

European Journal of Law and Political Sciences

Nº 2 2015

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

European Journal of Law and Political Sciences

Scientific journal

Nº 2 2015

ISSN 2310-5712

Editor-in-chief	Samuel Cuenca, Spain
Consulting editors	Kamila Orzechowska, Poland Anton Mackevitch, Russia
International editorial board	Oana Olteanu, Romania Nóra Szekeresné, Hungary Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan Květoslava Vítková, Czech Republic Matthias Kuster, Austria Valery Gurchin, Ukraine Hervé Thomas, France Tatiana Yashkova, Russia Lidija Jovanović, Croatia
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

European Journal of Law and Political Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Diplomacy

Nurboja Reshat,
PhD (c), Independent Researcher, Peja, Kosovo
E-mail: reshatnurboja@hotmail.com

State of Kosovo: a matter of war or a matter of negotiations

Abstract: Kosovo is the newest state in the world arena of states. It was one of eight federal units of the former federation of Yugoslavia. As other units it was created during the process of the non-consensual dissolution of former Yugoslavia. But the process of creation of the Kosovo state differs a lot from the processes of creation of the other states as: Slovenia, Croatia, Bosnia and Hercegovina, Macedonia and Monte Negro. Only Vojvodina remained to be a part of Serbia and it still holds the name of autonomous province. The process of Kosovo independence differs in both ways: internally and internationally. Whereas for all states something is common: war and negotiations, even though even here a difference could be drawn because in some parts war and negotiations were short whereas in some others war and negotiations were long. Kosovo is the last unit to become independent and it became independent after a heavy war and after a series of political engagement in forms of negotiations and conferences.

In the paper a discussion is developed between war and negotiations, between war and conferences, between inner problems and external engagements. At the end paper gives pro-s and con-s along with conclusions and recommendations for the future of Kosovo.

Keywords: war, negotiations, federation, conferences, state.

Introduction

There are 7 years Kosovo since Kosovo declared independence which is recognized from more than 100 independent states of the world. It also managed to become a member of World Bank, International Monetary Fund, EBRD, etc. It as a state is developing and trying to fully engage in especially European integration activities. It is also at the same time facing a lots of difficulties that are common for new states. But there are other characteristics that only belong to the post war societies or states. Kosovo is as it was mentioned a special case of creation of state. It is a state that derived from a process of war and on the other side also from a process of international negotiations or efforts. Both contributed to the process that makes Kosovo, as we see below a sui generis case of state creature.

There are various discussions which argue why Kosovo became independent state and they give

different explanations on how it was created as state. Some argue that Kosovo was created as a result of war let by a national movement for liberty. Others argue that Kosovo is created as a result or based in an international project designed by West. There are also others that see a combination of both ways. The paper will deal with the issues of war and with the issues of negotiations.

Is that only war that made Kosovo become a state?

In order to deal a little bit with the war, firstly a definition of war is helpful. War is “a state or period of fighting between countries or groups; a situation in which people or groups compete with or fight against each other; and organized effort by a government or other large organization to stop or defeat something that is viewed as dangerous or bad” [6]. On the other side, negotiation is “mutual discussion and arrangement of the terms of a transaction or

agreement; the act or process of negotiating; an instance or the result of negotiating” [5]. From both given definitions without any need to go deeply on theories of war and peace, we see these elements in the overall process of creation of the state of Kosova. The issue is what had bigger impact on the process, war or negotiations? Or when the war started and when it ended? Or what were the negotiations and who organized them? There may be raised many other question and sub questions.

The process of dissolution of former Yugoslavia unfortunately was accompanied with a war which in some periods of time was a war with a lots of ethnic cleansings, killings, atrocities, crime against humanity and genocide. The war in former Yugoslavia started in Slovenia and it ended with the war in Kosova and with an armed conflict in the southern Serbia in the Presheva valley.

Now based on the above given definitions and following the process of creation of the state of Kosovo it is not thankful to say that one option is the only one that helped the process of creating the state of Kosova. It was a war and there were negotiations. The question is when the war started and what were it's sizes.

In the early process of dissolution of former Yugoslavia the communist party in Kosovo collapsed within a day whereas it was replaced with the Democratic League of Kosovo — the first democratic political party in Kosovo. This party was led by Ibrahim Rugova that led the DLK and Kosovo in a process that was known as peaceful resistance of Kosovo. While the war broke out in Slovenia, Croatia and Bosnia and Herzegovina, in Kosovo there was being developed as it was mentioned the peaceful resistance movement. But this had an end. In 1995 when Kosovo was not included in the works of the peaceful conference in Dayton (The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina, also known as the Dayton Agreement, Dayton Accords, Paris Protocol or Dayton-Paris Agreement, is the peace agreement reached at Wright-Patterson Air Force Base near Dayton, Ohio, United States, in November 1995, and formally signed in Paris on 14 December 1995 [20]) the peaceful movement in Kosovo begin to lose its support. There appear other efforts asking for something else, since

the opinion changed in favor of something different. The Kosovo Liberation Army was created some time ago and it started to undertake some attacks against serb police very big in number on that time in Kosovo. These attacks were not very frequent at the beginning whereas KLA appeared openly in November 28, 1997 in Drenica. All guerilla attacks undertaken early were treated as guerrillas but early 1998 US envoy R. Gelbart called KLA as terrorist organization. Gelbart stated: “we condemn very strongly terrorist actions in Kosovo. The UCK is, without any question, a terrorist group” [18, 92]. But this attitude was changed very quickly and KLA became very quickly un-avoided partner for negotiations in Kosovo and regarding Kosovo. Thus Richard Holbrooke met with KLA and ever since in all talks related to Kosovo KLA representatives were to take part. It was year 1998 during what the situation aggravated and when military actions spread in most part of Kosovo. Serb military forces undertook strong military offensives against UCK (The acronym is Ushtria Clirimtare e Kosovës that stand for Kosovo Liberation Army — KLA in English) but indeed targets were in most cases Albanian villages whereas the most attacked were civilians. Thus for example in an attack on February 28 there were killed 9 men from the most rich families. Most of 29 Albanians killed in village Qirez were women, children and elder [18, 93]. The conflict spread more and rapidly. Only few days later, on March 05, special police attacked villages Prekaz i Ulët and Llaushë. During these attacks there were killed 58 Albanians, most of them women, children and elder. Attacks aimed to extinguish from the earth families that were linked to UCK [18, 93].

Military offensives and attacks mobilized the international community to act. This made Contact Group (This was a group of states created in 1994 during the war in Bosnia and it was re-activated in 1997 regarding Kosovo. The group was consisted of: USA, Russia, France, Great Britain and Italy) to activate which came up with a declaration calling parties in the conflict for peace and they “required Serb Government respectively Yugoslav government to withdraw special military forces within 10 days from Kosovo, to allow the presence of international organizations in province and to

start with dialogue with the political representatives of Albanians” [18, 94].

Parties in conflict had different attitudes on the mentioned dialogue. The Serbian/Yugoslav (RFJ Serbia and Monte Negro insisted to be successors of RSFJ and in a way they managed to achieve this, since in 1996 this creature achieved international recognition with Kosovo within the federation without asking Kosovo) came up with some proposals that were very far from Albanian requests. They treated Kosovo only as internal problem and refused all the time any internationalization of Kosovo problem. The OSCE representative Felipe Gonzales was not to be accepted in RFJ/Serbia as OSCE mediator. But international efforts continued with various initiatives in order to give peace a chance. Chris Hill, US Ambassador in Skopje once stated, “we want a solution, we are not looking for justice”. An analysis of this statement says a lot and indeed shows clearly that an action was needed. An action for negotiations. An action against the war that was going on. A war that was taking the lives of mostly innocent civilians. Thus perhaps, that’s why Hill stated. A solution wanted with the hope that the justice would come later. And while mentioning Chris Hill he was very frequently and deeply engaged in especially 1998 year using all types of diplomatic steps. He was directly engaged in the field. He was directly engaged in talks with the political Albanian representatives. He was directly engaged with the UCK representatives in the battle field. He was using so called shuttle diplomacy (In diplomacy and international relations, shuttle diplomacy is the action of an outside party in serving as an intermediary between (or among) principals in a dispute, without direct principal-to-principal contact. Originally and usually, the process entails successive travel (“shuttling”) by the intermediary, from the working location of one principal, to that of another. The term was first applied to describe the efforts of United States Secretary of State Henry Kissinger, beginning November 5, 1973, which facilitated the cessation of hostilities following the Yom Kippur War. Negotiators often use shuttle diplomacy when the one or both of two principals refuses recognition of the other prior to mutually desired negotiation. Mediators have adopted the term “shuttle diplomacy” as well [21] and

all other potential forms of diplomatic engagements to get the solution. In this way within this period of time, Hill proposed 4 plans know as Hill plans. Serbia went to far with refusing whatever engagement form outside especially when it was talked potential deployment of peace troops in the territories of Kosovo. Thus for this they organized a referendum where 73 % out of 94.7 of voters declared against involvement of foreigners in this issue [18, 102].

During this period of time UCK managed to strengthen and spread its activities in the central part of Kosovo. US mediators Richard Holbrooke and Robert Gelbard based on this pushed Ibrahim Rugova to enter into direct talks with Belgrade [18, 103]. And actually this happened. In Belgrade for the first time a meeting between Albanian political leaders and Slobodan Miloshevich happened. But without any results. Meeting brought nothing important. The situation in the field aggravates. Damages increase and along with the number of refugees and the internally displaced. NATO threatens that it would use the force. On July base on agreement Miloshevich — Jeltzin a monitoring diplomatic mission start to build. This mission acted under the political leadership of Contact Group ambassadors, the Austrian Ambassador in Belgrade in the capacity of EU and the Polish Ambassador because Poland was heading the OSCE [18, 111]. But against nothing serious was achieved. Serbian offensives continue in the field. Thus during the summer 1998 almost all territories where there were UCK forces, they were under the hard serb military attacks. During the attacks almost nothing was saved. So called burn lad strategy was used, so civilians move. Richard Holbrooke on October 1998 convinced Milloshevich to agree on an agreement for allowing OSCE monitoring mission. NATO after a Resolution (1199) was adopted by the UN Security Council made known the so called Activation Order (ACTWARN) that included possibility of a limited action of aviation against Yugoslavia [18, 121].

The OSCE monitoring mission came to Kosovo as a specific mission and a short time peace was put in place. This as it was noted as a short time peace start to be diminished by the end of the year. Parties in the conflict UCK and Serbian/Yugoslav military forces re-group. Not only to provoke. They enter again in the

battles that have to be solved somehow. Serb forces again start to undertake heavy military actions against UCK but without paying attention to civilians that were the biggest victims. Thus in January 15, 1999 a huge crime was conducted against villagers of Reçak. The Head of OSCE monitoring Mission, William Walker after the visit to the village declared: "After I arrived in Reçak, villagers led me to the place where I saw with a big horror 20 corpses which as it seems remained there as executed. No matter that I saw 20 bodies mainly elder killed closely by shoots in head, occiput — other monitors found other bodies. Even though I am not a lawyer — that what I have seen makes me to determine without hesitation this case as a massacre, as a crime against humanity" [18, 155]. Serbian official policy instead of showing at least some regret, they blamed monitoring mission whereas W. Walker was declared *non gratae* person.

After this it was clear that again Millosheвич cannot be convinced for peace unless forced to do so. Thus the Contact Group gathered on the level of Foreign Affairs Ministers and decided to organize a peace conference on Kosovo. This is the Rambouillet Conference that start on February 06, 1999. The conference was head by Cook and Vedrine with other three mediators: Petritsch, Hill and Mayorski each representing EU, USA and Russia. Serbia was forced to take part in the conference even though the serb delegation came to Rambouillet without an intention to play properly. The whole world was mobilized to stop war atrocities that were being tremendously high. It was said to Serbia that it will not be allowed to repeat Bosnia again. It was said to him directly that this time he will be hit. Directly. NATO was being ready for action. Finally.

Negotiations start in Rambouillet with an interruption for some time to continue in Paris. Albanian delegation took some time to talk directly in the field to the people in order to explain the proposed agreement. On the other side again Serbia/Yugoslavia again came back to the continuation of the conference without an intention to reach agreement. Efforts were made to convince delegations to agree. Albanians came to Paris with clear intention to agree. And indeed the conference ended in a short ceremony where only Kosovo delegation signed the agreement showing the commitment to fulfill all

obligations that derive from the agreement. Serb refusal to accept the agreement made the NATO threat become reality. Thus on March 24, after some additional diplomatic efforts were undertaken NATO Secretary Javier Solana made public the decision for NATO attacks against Serb/Yugoslav forces. Since March 24 until June 10 Serbia/Yugoslavia was under the NATO attacks whereas Serbia was forced on an agreement. Thus an agreement was reached and signed in Kumanova (FYROM) between Yugoslavia and NATO-technical military agreement. This opened the door for approval of UN Security Council Resolution 1244 based on which Kosovo was put under the international civil administration and the deployment of NATO troops. Serbian military, paramilitary and police forces left Kosovo whereas UN administration was put in Kosovo named UNMIK (UN Mission in Kosovo). UNMIK administered Kosovo for several years exercising its power using so called four pillars (These were UNMIK pillars: Pillar I: Humanitarian Assistance, led by the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR); Pillar II: Civil Administration, under the United Nations; Pillar III: Democratization and Institution Building, led by the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), and Pillar IV: Reconstruction and Economic Development, managed by the European Union (EU)) based on the 1244 Resolution and based on the legislation very unique: UNMIK regulations, Kosovo Laws and the laws that were adopted before March 23, 1989. This legislation was known as applicable law.

The UNMIK mission had to have an end. One of the duties of UNMIK was creation of sound structures and creating of an environment for final status.

UN Secretary General envoy Kai Eide twice evaluated the situation in Kosovo about the achieved process. After the second evaluation based on what was known standards before status, he came with the proposal that the time for entering into the process for determining the final status of Kosovo has come. Thus UN Secretary General nominated former President Marti Ahtisaari as the special envoy for determining the final status of Kosovo. Kosovo created the negotiations team known as Unity Team whereas President Ahtisaari assisted by Albert Rohan and Frenk Wisner developed various types of negotiations activities

from direct talks separately to parties, visits to respective countries, talks between delegations in Vienna, etc. [22]. After a long process of negotiations President Ahtisaari presented to the parties the Comprehensive Proposal for Final Status of Kosovo that offered to Kosovo a supervised independence during a determined period of time. Kosovo accepted Ahtisaari proposal and showed commitments to respect and fulfill all of its obligations deriving from the proposal. Serbia on the other hand refused the proposal as it refused the Rambouillet agreement. Serbia refused Ahtisaari's proposal even though this was the only possible solution. There were no more arguments based on what Serbia could try to base its intentions. Among the others it was no more Federal Republic of Yugoslavia. Monte Negro left the last federation. Nonetheless Kosovo went in its way towards independence and in coordination with the western democracies on February 17, 2008 Kosovo declared the Declaration of Independence. It was Kosovo Parliament to approve the Declaration of Independence along with the state symbols. Within a short time Kosovo gained international recognition from almost all powerful states and developed democracies. It became the member of World Bank, IMF, EBRD and it is going further with asking more recognitions and membership in international organizations.

The independence of Kosovo was confirmed to be in accordance with the international law. This was confirmed by the opinion of the International Court of Justice on July 22, 2010. This Kosovo goes forward with the process of state building being accompanied with the difficulties that are characteristic of the post war societies and the characteristics of the early process of state building.

Conclusions

Kosovo is a unique case of state creation with the efforts from the internal and external factors. It is a unique case where the combination of war, coercive diplomacy and other diplomatic activities were producing expected results. It is very difficult to give the priority to any of these factors. Internal factors were active for a long period of time. For decades. But they did not manage to finalize the results. International community also was active for a long period of time but its engagement was of different types depending on the period. It started with the aims of supporting the territorial integrity of Yugoslavia federation. During that time Kosovo was monitored and attentions was paid to the violation of human rights and Kosovo was not treated as an entity seeking independence, as other republics of former Yugoslavia. The attitudes of the international community changed when the war expended in its size. When this happened the international community changed the attitudes and got engaged in other forms using coercive diplomacy and all types of activities to find a solution and to protect peoples lives. Talks, good services, negotiations, conferences, etc were used and applied in the case of Kosovo. Only the combination of all of these brought the expected results and brought peace in this part of the world. This was a sui generis case of creating a state and this because of reasons as mentioned above. To these we add that international community is changing together with the international law. Under this context Kosovo came up as a unique case to produce a state by combination of war, negotiations, coercive diplomacy and the national movement.

References:

1. Bajrami Arsim. Sistemi Kushtetues i Republikës së Kosovës, Artini, – Prishtina, 2011.
2. Comprehensive Proposal for the final status of Kosovo-Ahtisaari Plan.
3. Constitution of RSFJ 1974.
4. Gruda Zejnullah. E Drejta Ndërkombëtare Publike (Botim i plotësuar dhe i përmirësuar). – 2007 Furkam ISM – Shkup.
5. [Electronic resource]. – Available from: <http://dictionary.reference.com/browse/negotiation>
6. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/war>
7. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.unmikonline.org/pages/default.aspx>
8. Kosovo Constitution 1974.
9. Kosovo Constitution 2008.

10. Madeleine Albright. *Zonja Sekretare Autobiografi*, Dudaj, – Tiranë, 2004.
11. Noel Malcolm. *Kosova një histori e shkurtër*. – Koha, 2001.
12. Weller Marc. *Negotiating the final status of Kosovo*, Chailot Paper, nr. 114, – 2008.// [Electronic resource]. – Available from: <http://www.iss.europa.eu/uploads/media/cp114.pdf>
13. Paskal Milo. *Nga Rambuje në pavarësi*. – Toena Tiranë, 2009
14. Mingst Karen A. *Bazat e marrëdhënieve ndërkombëtare*. – AIIS, 2008.
15. *Rambouillet Agreement – 1999*.
16. *UN Security Council Resolution 1244, June 10, 1999*.
17. Weller Marc. *Shtetësia e Kontestuar – Administrimi ndërkombëtar i luftës së Kosovës për pavarësi*. – Koha Prishtinë, 2011.
18. Petritsch Wolfgang & Pichler Robert. *Rruga e gjatë në luftë, Kosova dhe Bashkësia Ndërkombëtare 1989–1999*. – Koha, Prishtinë.
19. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.unosek.org>
20. [Electronic resource]. – Available from: http://en.wikipedia.org/wiki/Dayton_Agreement
21. [Electronic resource]. – Available from: http://en.wikipedia.org/wiki/Shuttle_diplomacy (May 24, 2015).
22. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.unosek.org>

Section 2. Administrative law

*Zheleznyakova Evgeniya Alexandrovna,
candidate of Historical Sciences, lecturer of civil
and the labor law chair of Voronezh Institute
of the Russian Federal Penitentiary Service
E-mail: shelezniakowa_ew@mail.ru*

Problems of social and legal protection of civil servants

Abstract: The article examines the legal regulation of socio-legal protection of civil servants. Shortcomings of the legal system within the public administration and the ways of their elimination.

Keywords: public service, government, legislation, regulation, public servant, social guarantees.

*Железнякова Евгения Александровна,
кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры гражданского и трудового права
Воронежского института ФСИН
E-mail: shelezniakowa_ew@mail.ru*

Проблемы социально-правовой защищенности государственных служащих

Аннотация: В статье рассмотрено правовое регулирование социально-правовой защищенности государственных служащих. Показаны недостатки правовой системы в рамках государственного управления и приведены пути их устранения.

Ключевые слова: государственная служба, государство, законодательство, правовое регулирование, государственный служащий, социальные гарантии.

Современный этап государственного строительства в России непосредственно связан с решением вопросов социально-правовой защищенности государственных служащих. Система государственных гарантий гражданских служащих в настоящее время находится в состоянии нестабильности, которое вызвано административными реформами, отсутствием единой государственной кадровой политики, федеральными и региональными особенностями развития системы государственных гарантий. Система материально-финансовых гарантий сегодня является действующей системой, повышающей престиж государственной службы как социально-правового института.

Государственные гарантии гражданских служащих являются одним из основополагающих элементов правового статуса государственного служащего, поскольку от того, какие гарантии и как они исполняются, во многом зависит не только деятельность государственного служащего, но и работа всего государственного аппарата, т. е. государственные гарантии гражданских служащих носят обеспечительный характер [1].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 «О федеральной программе “Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)”» важнейшими направлениями повышения эффективности

государственной службы являются разработка и внедрение механизмов, обеспечивающих результативность профессиональной служебной деятельности государственных служащих [2].

Для эффективного функционирования государственной службы необходимо обеспечить надлежащие условия для качественного исполнения государственными служащими своих должностных (служебных) обязанностей и формирование идеологии влияющей на дальнейшее развитие государственного управления. Идеологическая составляющая государственной службы формировалась длительный период, где нельзя забывать о фактах, хотя и идущего на убыль, но все же продолжавшегося в 30-е годы вандализма по отношению к памятникам русской старины [3]. Достаточно вспомнить, как в апреле 1934 г. в ответ на просьбу группы художников и архитекторов о сохранении в Москве Сухаревой башни, построенной при Петре I, Сталин заявил, что считает решение правительства о сносе башни правильным, «полагая, что советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества, чем Сухарева башня» [4]. Примечательно, что именно в середине 30-х гг. были репрессированы многие специалисты-реставраторы Центральных Государственных Ремонтных мастерских, пытавшиеся бороться против разрушения уникальных памятников русской архитектуры: П. Д. Барановский, Б. Н. Засыпкин, Н. Н. Померанцев, Д. П. Сухов и другие [5]. Таким образом, идеологическая составляющая системы государственного управления также играет важную роль при определении основных задач, решаемых в ходе реформы государственной службы, где происходит создание механизма стимулирования служебной деятельности государственных гражданских служащих, развитие патриотизма. Все это представляет собой совокупность форм, методов, средств и воздействий, которые принимаются для решения задач безупречного и эффективного исполнения федеральными государственными служащими должностных обязанностей в соответствии с регламентами федеральных органов исполнительной власти.

Основными характеристиками государственной власти, как политического института, являлись

ее устойчивость, широкие властно-управленческие возможности в социально-политическом взаимодействии, способность самоупорядочению и мобилизации готовности для выполнения различных задач, способности оказывать управляющее воздействие на субъектов политической деятельности. Государственная власть выполняла и выполняет политическую роль в обществе, унифицирует политические процессы, определяет характер и содержание публичной власти [6]. В итоге в период 2005–2008 годов государственная служба сформировалась как комплексное явление, которое включает в себя набор средств, методов, функций, с помощью которых государство проводило в жизнь политический курс, добивалось решения поставленных социально — политических и экономических задач [7].

За прошедший с 2001 г. период реформирования и развития государственной службы произошли изменения и в нормативном правовом регулировании института государственной службы, а также в отдельных организационных механизмах ее прохождения, призванные повысить эффективность деятельности государственного аппарата. Достигнутые результаты позволили как тактически, так и стратегически выработать перечень конкретных мер по дальнейшему развитию государственной службы, прежде всего гражданской службы, которые были апробированы в ряде федеральных государственных органов. При этом характер общей парадигмы изменений в стратегии формирования кадрового состава на государственной службе, подкрепленной детальными тактическими шагами в кадровой работе большинства федеральных государственных органов, требует продолжения реализации комплекса разнообразных мер, объединенных в рамках федеральной программы [8].

В целях обеспечения к 2018 г. открытости и профессионализма государственной службы в предыдущий период реализации программы осуществлена разработка и апробация новых технологий и методов кадровой работы, полноценное внедрение которых в практику работы кадровых служб государственных органов предусматривается в 2015–2018 гг. посредством взаимосвязанных действий по следующим важнейшим

направлениям Программы: внедрение современных принципов организации государственной службы; формирование новой системы квалификационных требований к должностям государственной службы; повышение качества отбора на замещение должностей государственной службы и т. п. [9].

Реализация Программы позволит осуществлять согласованную деятельность федеральных государственных органов посредством централизованной координации и контроля, а также более эффективно использовать финансовые ресурсы, выделяемые на развитие государственной службы [8].

Современные стратегии направлены на разработку и достижение необходимой результативности путем соблюдения установленных правил, выполнения набора процедур и последовательности осуществления комплекса мер структурно-организационной, научно-инновационной, маркетинговой, экономической, финансовой и социальной направленности [9].

Например, в процессе исполнения уголовного наказания реализуются правоограничения, выражающие его сущность, что всегда связано с ограничением прав, свобод и законных интересов граждан. Поэтому подобная деятельность должна не только осуществляться государственными органами, но и быть урегулирована государством. Причем, как подчеркивает ст. 71 Конституции РФ, уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее данную функцию государства, относится исключительно к прерогативе Российской Федерации, то есть является законодательством федеральным [10]. Таким образом, государственный служащий является неотъемлемым элементом государственной системы

и его интересы, социальные гарантии, должны обеспечиваться государством для более эффективной работы государственного аппарата (всей государственной системы).

Анализ проблем социально-правовой защищенности государственных служащих и основных направлений совершенствования системы государственных гарантий на государственной службе позволяет сделать следующие выводы: система государственных гарантий государственных служащих нуждается в серьезной корректировке и изменении с перспективой создания специального института, который будет непосредственно заниматься вопросами организации и нести ответственность за практический уровень защищенности данной категории граждан; для повышения эффективности государственной службы в Российской Федерации и в целях обеспечения высокого уровня государственных гарантий государственных служащих необходимо разработать и принять соответствующую федеральную целевую программу, направленную на совершенствование системы государственных гарантий на государственной службе, основными задачами которой должны стать: повышение уровня правовой и социальной защищенности государственных служащих; создание системы государственных гарантий; совершенствование законодательства о государственных гарантиях гражданских служащих; формирование эффективной системы материального и нематериального стимулирования государственных служащих с учетом результатов их профессиональной служебной деятельности; оптимизация порядка оплаты труда государственных служащих; создание необходимых условий для личностно-профессионального развития государственных служащих.

Список литературы:

1. Железнякова Е. А. Реформа государственной службы в современной России. // Национальные проекты как фактор созидания в современной России: Сборник научных трудов региональной межвузовской научно-практической конференции 4–6 апреля 2006 года. В 2-х частях. – Ч. II. – Воронеж: ВФ МГЭИ, 2006. – С. 218–222.
2. О Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы): указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261: в ред. Указа Президента РФ от 12 января 2010 г. № 59. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 11, Ст. 1277; 2010. – № 3, Ст. 274.

3. Железнякова Е. А. Идеология административной реформы и основные направлениями дальнейшего реформирования государственной службы.//Власть и общество в России: традиции и современность (35-летию кафедры философии и истории): материалы IV Всероссийской научной конференции 12–13 апреля 2008 года/Отв. ред. О. А. Тарасов, С. А. Васильева. – Т. 2. – Рязань, 2008. – С. 99–103.
4. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т.: Т. 1/А. С. Хомяков. – М., 1994. – С. 484.
5. Тонких В. А. Почвенничество в системе религиозно-философских взглядов Ф. М. Достоевского./Тонких В. А., Тонких Н. В.//Формирование инновационной системы экономики и образования в условиях глобализации. – Воронеж, 2008.
6. Коновалов С. В. Государственная служба.//Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. – Ч. 2./С. В. Коновалов. – М.: Юнити–Дана, Закон и право, 2005. – С. 34.
7. Железнякова Е. А., Тонких В. А. История государственной службы России (2000–2008 гг.): монография/Е. А. Железнякова, В. А. Тонких, Ю. Л. Ярецкий. – Воронеж: «Истоки», 2011. – 222 с.
8. Железнякова Е. А. Перспективы реформирования государственной службы России в 2015–2018 годах.//Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2014. – № 4, октябрь–декабрь. – С. 77–81.
9. Нехамкин А. В. Формирование системы социальной защиты государственных гражданских служащих Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2007. – С. 22.
10. Pomogalova Y. V. Institutions and bodies of the penal system as part of the system state power.//Proceedings of the 1st International Scientific Conference on Private and Public Law. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna, 2014. – P. 77–82.

Section 3. Civil procedure

*Izarova Iryna Aleksandrivna,
Associate Professor at the Department of Justice,
the Faculty of Law of Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: Irina.izarova@gmail.com*

The European regional rules of civil procedure and deepening economic relations between Ukraine and the European Union

*Work for the elimination of concrete evils rather than for the realization of abstract goods... Do not allow your dreams of a beautiful world to lure you away from the claims of men who suffer here and now.
Popper Karl R. Assumptions and denials*

Abstract: The article devoted to the European regional rules of civil procedure and its scope. This is rather controversial and, in the opinion of many researchers, must cover internal disputes governed by national laws of the Member States as well. It is very important now under deepening economic relations between Ukraine and the European Union.

Keywords: Civil Procedure; European regional rules of civil procedur; Association Ukraine–EU.

In the recent years there has been a growth in attention to the regional rules in procedural law on the European level. The success that accompanies the project of preparation the Principles of Cross-border Civil Procedure of ALI-UNIDROIT has become a substantial prerequisite for this attention. The implementation of the EU founding treaties and programs, which provide the expansion of EU competence in the field of judicial cooperation, gave another significant impulse to the process. It is also highly influenced by intense activity of the ECHR towards the implementation of the European Convention due to which the European values of supremacy of law and the individual's right for judicial protection are dominant in the Member States of Council of Europe.

The development of a common market resulted in annual growth of number of cross-border relations. Thus Europeans increasingly more often enjoy the rights provided to them by the EU treaties. In particular, according to statistics there are currently nearly 14 million EU citizens residing in a Member State of which they are not a national (up from 12.1 million in 2009) [1]. The development of cross-border relations leads to a higher likelihood of

cross-border disputes. Nevertheless EU is actively developing a strategy for their efficient resolution.

The creation of a unified system of effective judicial protection of civil rights in the EU has become possible thanks to the adoption of common regulations that organize consideration and resolving court activities of particular categories of cases, determine the conditions and forms of cooperation between the courts of different EU Member States as well as provide the opportunity to enforce court decisions in different Member States without any additional recognition procedures by creating a single legal area of civil justice in the EU to resolve cross-border disputes.

Brussels and European Convention had a significant influence on the harmonization of civil procedure in Europe but it is important to have a clear understanding that among the Council of Europe Members States, which have ratified the European Convention, the harmonization of civil procedure doesn't occur and there is no single supranational European legislation in cross-border civil process.

The foundation of European Civil Procedure, which is being formed today, has been a revolutionary

step towards the construction of a common legal space for the protection of civil rights of EU residents. The further development of legal protection system of the EU residents is a topic for numerous scientific discussions, including the ones that focus on the area of regional rules of civil procedure regulation. The need for the extension of European Civil Procedure onto internal disputes is related to the new preparation of common European Rules of Civil Procedure project. This project ELI-UNIDROIT started in 2013 and became known as “From Transnational Principles to European Rules of Civil Procedure” (hereinafter — the European Rules) [2].

The main objective of this project was the adoption of unified principles of administering justice since it, as noted by the authors, is aimed at avoiding fragmentary and unsystematic changes to the European civil procedure and is the first attempt to develop other regional projects of adaptation of ALI-UNIDROIT Principles to the peculiarities and regulations of regional legal cultures [3].

The Committee for the preparation of the Rules stated its goal — it should be directed to the national courts and the final result of this project must be applied to all disputes, cross-border and national alike. An optimistic forecast about the prospects of the European Code of Civil Procedure preparation was expressed. In the authors’ opinion the development of typical European Code is a realistic project and should not be limited to cross-border affairs [3].

It is certainly an echo of a multi-civilizational paradigm of the modern world development. According to this theory, the main unifying feature is the maintenance of defining cultural values of a community. The success of the European Convention was the result of the introduction of such European values. The basis of European Rules originates from the Principles of ALI-UNIDROIT, the European Convention and the EU Charter of Fundamental Rights, M. Storme project, the French Civil Procedure Code and other codes, the judgment of the European Court of Justice and the European Court of Human Rights, directives and regulations of the EU, which provided further enhancements of EU rights and establishing common traditions of European countries.

The scope of European Civil Procedure is rather controversial and, in the opinion of many

researchers, must cover internal disputes governed by national laws of the Member States as well.

Among the approaches to the definition of the scope of European Civil Procedure the prevalence of opinions on the necessity for direction of European Civil Procedure towards the regulation of internal disputes should be noted. Thus, M. Storme, in particular, believes that this body of law may also govern all domestic procedures regardless of any transnational character, which they may have. Finally, thanks to a number of Community instruments and initiatives, but above all, on the basis of the fundamental principles of the European Union, more particularly, the right to a fair trial it has been possible to achieve a system of procedural law, which is common to the Member States [4].

There are similar opinions on the matter in the legislative initiatives of the EU. *Green Paper* on a European order for payment procedure and on measures to simplify and speed up small claims litigation stresses that a mandatory procedure would provide greater scope, especially if it was not restricted to cases with a cross-border dimension [5]. But in first common European procedures the idea of providing judges with authority to consider cross-border cases routinely was introduced. And M. Storme states that as these procedures were identified as an alternative to national procedures, the problems of further development of civil procedure and relationship between the European and domestic rules of procedure could be regulated by giving the citizen a choice between the national and the European rules of procedure — in other words, we “let the best win” [6].

The factors of social nature that C. Van Rhee regarded as “natural” should be taken into account — thus it is only natural that individuals seek the most effective, rational, cheap and quick dispute resolution procedures, more sustainable protection and regulation of their relations and this trend can be neither overcome nor avoided. Taking this into account one should constantly explore and implement more effective procedures of civil rights protection [7].

However, the question of mandatory or alternative nature of proposed procedures is critical and their interaction with national procedural law of EU Member States is open to debate.

It is obvious that any person will seek the most effective and optimal way to protect their rights, which will prove by practice, what is the best way to improve civil justice and will help to avoid unreasonable and inconsistent changes to create a truly effective unified system of civil procedure in Europe.

But expanding the scope of civil procedure in the EU to internal disputes is unlikely to lead to the desired result and these procedures that are alternative in both nature and purpose are unlikely to create a worthy competition to the provisions of domestic national procedural laws of the Member States. The rules and judicial resolution procedures of disputes in civil proceedings, that were gathered and carefully collected over centuries, reflect all sides and features of traditional national mental approach, which has been established in the Member States. Meanwhile, civil procedure of the EU was formed as an alternative mechanism of supranational level aimed primarily at leveling the differences of national procedural systems in order to achieve effective protection of EU residents. This does not mean that procedures and provisions of the EU civil procedure applied to domestic disputes will become more efficient and able to provide an appropriate level of protection in national civil proceedings.

In addition, the development of the EU civil procedure is necessary and very important because of further integration of its Member States. In our opinion the unified rules of civil procedure at this point will be the most successful solution for further harmonization of civil procedure.

The creation and implementation of common European rules of civil procedure that will allow to regulate relations that occur in domestic disputes and in the disputes of cross-border nature on the basis of general principles will be the next stage of harmonization of civil procedure and considering the latest achievements of civil procedure they will ensure continuing development of European integration as well as the necessary foundation for economic relations.

For Ukraine as well as for other countries, which are candidates for the EU membership, these rules are the opportunity to harmonize national civil procedure with EU and a necessary basis for the adaptation of European legislation and EU

membership. The expansion of Genuine European Area of Justice for Ukraine as a candidate for the EU membership is an extremely important vector of action, since the implementation of general principles of rights protection will enable to provide desired economic relations.

The involvement in the organization and preparation of these Rules is an extremely important issue as well. Members participating in the preparation of European Rules provide further prospects of cooperation and collaboration between different states including those, which are not EU Member States.

It is worth noting, as stated by Huntington, that while countries remain key players in the field of foreign politics, they can also lose sovereignty, governmental functions and power. International institutions pursue the right to judge what a state can do on its territory and limit them in this matter. Thus, the worldwide trend right now is the loss of power by central state governing bodies through the transferring it to sub-national, regional, provincial and local political entities [8]. And this is very noticeable in Europe. Thus, among the observers involved in the preparation of European Rules are intergovernmental organizations, professional associations and Research Institutions. It is worth noting that they are not national states, limited by borders that are the participants, but professional and scientific communities. At the same time among the participants of this project there are no Ukrainian organizations that instead proclaim European integration aspirations.

Thus it is necessary to draw attention to the fact that the regional nature as a defining feature of this association's members does not characterize them geographically. There are some countries among the members of the Council of Europe that are not even located in Europe as we have already mentioned.

Therefore, it is the obligation of major organizations and institutions to be actively involved and promote European aspirations of Ukraine, form the basis for active interaction and cooperation to ensure the development of a truly meaningful European area of justice that would be limited not by the borders of the EU, but by civilizational and cultural factors. The active development of unified European Regional Rules of civil procedure is not limited to the

range of EU Member States but covers those states that support common European values embodied in the European Convention. Taking this into account as well as the European aspirations of our country and society, Ukraine's involvement in the process of preparing and implementing these Rules is extremely important. It is worth noting the role and

significance of their involvement in the preparation of non-governmental organizations and institutions that are meant to ensure the creation of a reliable foundation for future successful integration of Ukraine into the European Community, the introduction of European values and principles of realization of judicial proceedings in Europe.

References:

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions The EU Justice Agenda for 2020 – Strengthening Trust, Mobility and Growth within the Union Strasbourg, 11.3.2014 COM (2014) 144 final.//[Electronic resource]. – Available from: http://ec.europa.eu/justice/effective-justice/files/com_2014_144_en.pdf
2. From Transnational Principles to European Rules of Civil Procedure//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.europeanlawinstitute.eu/projects/current-projects-contd>.
3. Initial report on the ELI–UNIDROIT 1st Exploratory Workshop.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.europeanlawinstitute.eu/ELI-UNIDROIT_Workshop_initial_report.pdf/.
4. Storme M. A single Civil Procedure for Europe: A Cathedral Builders' Dream.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.asianlii.org/jp5/6.pdf>.
5. Green Paper on a European order for payment procedure and on measures to simplify and speed up small claims litigation.//[Electronic resource]. – Available from: http://europa.eu/legislation_summaries/other/133212_en.htm.
6. Storme M. Improving access to Justice in Europe.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.pan-ol.lublin.pl/wydawnictwa/TPraw3/Storme.pdf>.
7. Rhee Van C. H. Civil Procedure./C. H. Van Rhee, R. Verkerk//Edgar Encyclopedia of Comparative Law/ed. by J. M. Smits. – 2006. – P. 120–134.
8. Huntington S. Collision of civilizations. – Moscow: OJSC “ACT Publishing”, 2003. – P. 37.

Section 4. European law

*Mykhalko Mariia Mykolaivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
master student, Faculty of Law
E-mail: mykhalkomariya@ukr.net*

Phenomenon of the European Union citizenship

Abstract: In this article there are defined issues connected to phenomenon of the EU citizenship. There are described features of such phenomenon, its legal basis and nature.

Keywords: personal status, citizenship of the EU, additional citizenship, rights of individual.

Issues connected to the European Union (here and further — the EU) often attract attention of scholars. The reason is such topics are always actual especially those which touch personal status of individuals within the EU. The EU is a unique foundation, neither state, nor ordinary organization and position of an individual in this foundation is definitely worth of researches.

In this article there will be defined issues connected to phenomenon of the EU citizenship. There are some scholars who have studied this issue. Among them there can be named Philip Alston, Mara R. Bustelo, James Heenan, Allan Rosas, Esko Antola, Francis G. Jacobs and others. But anyway this issue remains to be topical because such systems as the EU develop rapidly and researches in this sphere are always actual. Moreover a phenomenon of the EU citizenship has appeared not so long ago and still is not fully researched.

The article 15 of Universal Declaration of Human Rights says:

“1) Everyone has the right to a nationality.

2) No one shall be arbitrarily deprived of his nationality nor denied the right to change his nationality” [9, art. 15].

Conceptually the terms nationality and citizenship are not synonymous, but today in most countries of the world nationality is often regarded as identical to citizenship [7, 41]. The same situation is also with international documents. So, here and further, if it is said “nationality”, it means “citizenship”.

The European Convention on Nationality is the only international act which contains notion of nationality (citizenship). “Nationality means the legal bond between a person and a State and does not indicate the person’s ethnic origin” [5, art. 2]. So according to this definition citizenship is a personal status which defines an individual as a member of a state. And if we speak about a bond, it means mutual rights and duties of an individual and a state [8, 512].

Citizenship of the European Union was introduced by the Treaty on European Union (TEU — Maastricht Treaty), which entered into force in 1993. In the Preamble to that Treaty, the heads of state recorded that they were resolved “to establish a citizenship common to nationals of their countries” [6, 591].

TEU (art. 9): “In all its activities, the Union shall observe the principle of the equality of its citizens, who shall receive equal attention from its institutions, bodies, offices and agencies. Every national of a Member State shall be a citizen of the Union. Citizenship of the Union shall be additional to national citizenship and shall not replace it” [3, art. 9].

The Treaty on the functioning of the European Union (TFEU) (art. 20): “1. Citizenship of the Union is hereby established. Every person holding the nationality of a Member State shall be a citizen of the Union. Citizenship of the Union shall be additional to and not replace national citizenship” [4, art. 20].

There is situation when citizens of EU Member States have 2 citizenships at a time (their own and the EU citizenship). So the problem of dual

(multiple) citizenship can arise as “multiple nationality means the simultaneous possession of two or more nationalities by the same person” [5, art. 2]. At the same time there are some Member States which prohibit multiple citizenship in the national legislation (for example, Croatia, Estonia, Netherlands and so others) [2]. So there can arise a collision between national legislation of Member States and the EU legislation. To answer this question we should analyze 2 main features of the citizenship. Firstly, whether the EU citizenship as a personal status give any rights to an individual and secondly, if there is a connection of the person with the state (in other words if the EU can be regarded as a state).

To analyze this phenomenon, its contours should be firstly defined. If a category of persons is endowed with certain rights and duties is created, then accordingly, other persons are excluded. The inclusion of certain groups implies the exclusion of others. One of the points of establishing citizenship is the exclusion of others from the rights and entitlements granted to these citizens, and from the duties attached to such citizenship [1, 60].

Totally there are 2 criteria which can separate citizens from non-citizens: nationality (of the Member States) and extension of the rights and duties [1, 60–61].

It's obvious now that to acquire citizenship of the EU a person should acquire citizenship of one of the Member states. The same situation is with loss of this citizenship. But what about rights which characterize this citizenship? Specific rights of the EU citizens are established in para. 2 art. 20 TFEU:

“2. Citizens of the Union shall enjoy the rights and be subject to the duties provided for in the Treaties. They shall have, inter alia:

a) the right to move and reside freely within the territory of the Member States;

b) the right to vote and to stand as candidates in elections to the European Parliament and in municipal elections in their Member State of residence, under the same conditions as nationals of that State;

c) the right to enjoy, in the territory of a third country in which the Member State of which they are nationals is not represented, the protection of the diplomatic and consular authorities of any Member State on the same conditions as the nationals of that State;

d) the right to petition the European Parliament, to apply to the European Ombudsman and to address the institutions and advisory bodies of the Union in any of the Treaty languages and to obtain a reply in the same language.

These rights shall be exercised in accordance with the conditions and limits defined by the Treaties and by the measures adopted thereunder” [4, art. 20].

A similar list of rights is contained in the EU Charter of Fundamental Rights, Chapter V, entitled “Citizens’ Rights” [6, 592]. From a comparative point of view the conclusion can be made that the core and origin of Union citizenship is the right to free movement. Mobility is the central element, around which other rights crystallize. This provision firstly forms part of the fundamental economic freedoms of the European market: the mobility of economically active persons has now been elevated to the core of European citizenship and expanded into mobility for persons generally. In other words, the economically irrelevant people have been promoted to the status of persons [1, 65].

It is only the secondary issue that “the right to vote and to stand as candidates municipal elections in their Member State” is mentioned, whereas the right to vote and to stand as candidates in elections to the European Parliament is conferred on every citizen, even those who reside in Member States other than their “own” [1, 66].

All other rights are quite clear and don't need additional explanation.

Most scholars agree that the EU citizenship has not replaced nationality, but created additional rights for nationals from Member States. The main characteristic of citizenship is additionality: it adds to group of national rights (provided by Member States for every its citizen) a second set of rights, based on Community law, enjoyed in any Member State. The rights embodied by the notion of citizenship of the Union are strictly limited, even though there is provision for their further enlargement. This limitation creates a difference towards national citizenship: Union citizenship is a concept which is limited to the effects expressly mentioned in the Treaty and which is therefore distinct from the general character of national citizenships. This is the guarantee for the enjoyment of certain rights, the exercise of which no

longer depends on which Member State nationality an individual possesses [7, 47].

Moreover the legal bond between the individual and the EU is much weaker than the connection between the person and the state. It can therefore be called into question whether citizenship of the EU can be called a citizenship in the sense which was defined above. The individual's rights under the EU law are not, as they are in the state, attached to a firm status relationship between the individual and the Union.

The analysis of researches in the area of the EU citizenship showed that scholars don't see a problem of dual citizenship in this phenomenon. The fact is every citizen of Member States has at the same time

one more citizenship — the citizenship of the EU. As we know, there are some Member States which prohibit multiple citizenship in the national legislation (for example, Croatia, Estonia, Netherlands and so others) [2]. But the fact is that citizenship of the EU is not national citizenship in its classic manifestation. It plays additional role in association and cooperation between Member States and its citizens. Moreover this citizenship is the status which existence helps to grant citizens of the EU with special (supranational) rights which touch supranational activities. So we can't even to perceive citizenship of the EU as the second citizenship in understanding of national laws of Member States. It must be recognized as the supranational citizenship.

References:

1. Rosas Allan. *A Citizens' Europe: in search of a new order.*/Allan Rosas, Esko Antola. – London: SAGE Publications, 1995. – 237 p.
2. *Citizenship Laws of the World.* – Washington: United States Office of Personnel Management Investigations Service, 2001. – 233 p.
3. Consolidated version of the Treaty on European Union.//EUR-Lex. – 2012.//[Electronic resource]. – Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012M/TXT&from=EN>.
4. Consolidated version of the Treaty on the functioning of the European Union.//EUR-Lex. – 2012.//[Electronic resource]. – Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>.
5. European Convention on Nationality. 6 November 1997 – Strasbourg, 1997. – 32 art.
6. Jacobs Francis G. *Citizenship of the European Union – a legal analysis.*/Francis G. Jacobs.//European Law Journal. – 2007. – P. 591–610.
7. Beenen Nanda. *Citizenship, Nationality and Access to Public Service Employment: the impact of European Community law.*/Nanda Beenen. – Groningen: Europa Law Publishing, 2001. – 298 p.
8. Alston Philip. *The EU and Human Rights.*/Philip Alston, Mara R. Bustelo, James Heenan. – New York: Oxford University Press, 1999. – 942 p.
9. *The Universal Declaration of Human Rights.* – 10 December 1948.// [Electronic resource]. – Available from: <http://www.un.org/en/documents/udhr/>.

Section 5. Theory and history of state and law

*Petrov Dmitrii Evgenievich,
Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional
Education «Saratov State Law Academy», Saratov, Russia,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of Theory of State and Law
E-mail: dpetrov.saratov@mail.ru*

Interrelation of differentiation and integration in the system of law

Abstract: The article discusses the scientific and methodological foundations of the study of categories of «differentiation» and «integration» in the conceptual framework of legal science. The unity and interrelation of the processes of differentiation and integration in the law, the necessity of application of differentiation and integration in the research of the system of law are explored.

Keywords: legal system, differentiation of law, integration in law, paired legal categories, methodology of legal science.

In modern legal science the tendency of managing the notions and categories expressing these or those ties and relations in the legal reality is strengthening. They include the notions of management, organization, system, mechanism, structure, tie, relation etc. [1, 44]. This alternation corresponds to the shift of emphasis on the problems of synthesis and the change of a type of subject content of state-legal studies caused by it. It should be highlighted that to reflect such phenomena and social processes as functions, good organization and systematic nature in theory, substrate notions exclusively creating the picture of «morphology» of an object and its composition do not fit methodologically. The analysis of the simplest interactions in the legal sphere of the society shows the need for another conceptual framework; and when the study of systematic legal objects becomes the object of learning, then, it becomes possible to reflect their structure, dynamic of development and functioning in theory through combination of appropriate scientific means.

Such general scientific means should include the categorical pair «integration — differentiation». Let's agree with I. V. Blauberg and E. G. Yudin that «objects of the modern scientific learning require not just an extension of existing conceptual framework, but a new

categorical structure, a new system of notions» [1, 44]. However, since the need for such system exists in legal studies, then, undoubtedly, it finds its partial satisfaction. New notions in legal studies are aimed at solving tasks of a qualitatively new type neighboring the conventional categorical framework in science.

Today, we can acknowledge that the categories of «differentiation» and «integration» in the methodology of science are given a special place in general theoretical description of the system of modern society. Positive experience of managing the specified notions accumulated by the methodology of science should find its use in legal studies, particularly, in the researches of the Russian law. Nevertheless, it would seem that legal science should not uncritically borrow ready general scientific knowledge and it has no right to «dress» already known theoretical legal provisions about legal system into «new» methodological «forms». The categories «differentiation» and «integration» used in the general theory of systems and the humanities should receive their appropriate deflection in legal studies with consideration of the specific of state legal sphere of life of the society. A fairly concrete new knowledge about the structure of legal system and processes taking place in it should be obtained, and new regularities of distinguishing structural formations,

elements in law should be revealed through implementation of new constructions in the conceptual frames of the general theory of law.

The simplest example of differentiation is an appearance of a new kind of legal norms and of integration is a unification of a range of norms into a unified complex, an institute of law. In other words, the result of differentiation can be both, full autonomy of the differentiated parts in the structure of law and establishment of new interrelations between them at the expense of integration processes, i. e. complication of the legal system. It should be specified that differentiation and integration in law also have more complex forms of their manifestation. Complex forms of differentiation and integration imply the acquisition of new properties, qualities by the system, definition of subsystems in its structure etc.

One of the drawbacks of the traditional theory of structure of the legal system is the underestimation of the value of unity and interrelation of the processes of integration and differentiation in law. Thus, the fact that the process of formation of the branch of law is accompanied simultaneously by the differentiation of the system at one level (branch level) and integration at the other (between different institutes of law and other legal entities) is not taken into consideration. Consequently, differentiation in the legal system doesn't contradict and is dialectically interdependent with integration of legal norms and institutes [2, 54].

There are no two absolutely similar legal entities (unifications of legal norms or institutes) in the structure of the Russian law. Herewith, the more detailed comparison is performed for system-related formations, the more differences between them are found. Dissimilarity of elements of the legal system is determined by inhomogeneity of internal and external environment. External environment is understood in this case as the system of social relations, which didn't only once give birth to the need for law as a special regulation tool, but continues having a determining influence on it throughout its entire history. The very diversity of existing social relations and ties is one of the driving reasons of differentiation of norms, institutions, branches and other structural communities in law.

Due to appropriate level of the processes of differentiation and integration in the Russian legal system,

it is possible to ensure such important properties and parameters as regulatory ability; resistance to external changing effects (adaptation flexibility) and capability of development. «A high level of diversity of structural components of the system, and abundance of degrees of freedom in many elements of it determine flexibility, mobility, adaptability, recoverability and, consequently, sustainability... Structural diversity is a reserve of life; it creates channels of correction of the kinds, ways for retreat, i. e. it performs a function of accumulation of exits from extreme situations» [3, 120].

A part of the legal system that changes at a certain stage of development, with time, differs more and more from other parts, which are more stable at the moment, and becomes the center of different reactions to the effects of external environment, which implies the increase of the diversity of existing forces and results. The increase of discrepancy between separate structural elements of law means either the beginning of a new cycle of the process of differentiation in the system or integration of its structural elements. A positive moment of the considered process lies in the fact that it «apparently improves the process of legal regulation, enhances its effectiveness contributing to the scope of heterogeneous relations and penetration in their essence» [4, 46].

In spite of the scale and relevance of the processes of differentiation and integration in the legal system, legal scientists mention them, as a rule, generally or discussing the issues of law division into branches and problems of specialization of legislation, sometimes, without making a clear distinction between these scientific abstractions [5, 53–54; 6, 167–176; 7, 4–18; 8, 51–60; 9, 42; 10, 19].

The conducted analysis of use of the categories «differentiation» and «integration» in legal science and the humanities in the whole doesn't only show some positive «shifts» in the solution of problems of theoretical learning of complex social systems, but also reveals the prospects of further development of this abstraction in the conceptual range of the general theory of law. Unfortunately, despite the nature of the most important methodological constructs of a systematic approach, the categories «differentiation» and «integration» did not receive solid development in legal science. Often, in the context of learning general issues of the systematic composition

of law, scientists restrict themselves to consideration of the problem of its branch structure, description of the notion and classification of law institutions. The processes of fragmentation and unification of the legal system into parts are sometimes performed with the use of subjectively selected criteria without the support of methodological base and consideration of objectively existing regularities.

«The more detailed general theoretical characteristic of the processes of differentiation and integration in law is not given by the scientists at the moment. Sometimes, the indicated processes are simply specified as the most important property of the legal system without developing their conceptual side. Not only unity but also differentiation is typical for the legal system. Every component of law (regulatory legal guidelines, branch, regulatory act etc.) can be viewed as an independent system (subsystem) that has a certain integrity, unity, differentiation, structure etc.» [11, 105]. Consequently, the categories «differentiation» and «integration» haven't been developed appropriately at the level of general theory of law yet. In some branch researches the terms are used as a matter-of-course without methodological potential put into them. Few works on this topic only outline the problematic field and cover the issues of differentiation and integration of law in the course of consideration of this or that topic. Lack of attention to the specified problem is

reflected on the entire teaching about the legal system, which is incomplete because of that.

It is important to emphasize the circumstance that differentiation in the legal system does not lead to the isolation of norms, institutions and branches from one another. The functioning of every specified element is inevitably related to the activity of the other ones. Only in combination, being included in the system, the separate norms, institutes and branches of law can have appropriate effect on social relations provided respective efforts from the side of a law-enforcer. Thus, while analyzing a separate entity of legal norms, the process of differentiation of legal formations determines the need to take into account its connection with many other norms, institutes and branches. In our opinion, it is required to find the whole sum of general regularities in theory that explain the establishment of the state of balance of differentiation and integration as two main tendencies in the development of Russian law.

Hence, the research of differentiation and integration as paired legal categories generates the main question from methodological view — where are the limits of differentiation of the legal system that should be followed by the integration of legal matter but not in a primitive form — a simple retrograde unity, but in a more complex form, without the loss of the achieved and necessary level of diversity in the legal regulation of social relations.

References:

1. Blauberg I. V., Yudin E. G. Establishment and nature of the systematic approach. – M., 1973.
2. Alekseev S. S. Structure of the Soviet law. – M., 1975.
3. Soroko E. M. Structural harmony of systems. – Minsk, 1984.
4. Baru M. I. Unification and differentiation of norms of labor law. // Soviet state and law. – 1971. – № 10.
5. Alekseev S. S. Structure of the Soviet law. – M., 1975.
6. Polenina S. V. Theoretical problems of the Soviet legislation system. – M., 1979.
7. Reutov V. P. Development of views on branch differentiation of law. // Problems of development of the Russian legislation. Collection of articles. – Perm: Published by Perm University, 2002.
8. Senyakin I. N. Specialization and unification of the Russian legislation / Ed. by M. I. Baitin. – Saratov, 1993.
9. Cherdantsev A. F. Specialization and structure of legal norms. // Legal studies. – 1970. – № 1.
10. Yakovlev V. F. Branch differentiation and inter-branch integration as basics of legislation system. // Legal studies. – 1975. – № 1.
11. Kartashov V. N. About the correlation of notions «legal system», «system of law», «law structure», «legislation system» and «form of law». // Legal system in the Russian Federation: problems of theory and practice: Collection of scientific articles: Materials of V annual international scientific conference, April 19–22, 2010. / Responsible editors: V. M. Syrykh, S. A. Rubanik. – M., 2011.

Section 6. Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

*Dyachenko Yuliya Vladimirovna,
Saratov State Law Academy,
senior Lecturer, Department of History,
sociology politics and service
E-mail: polit78@inbox.ru*

Culture of democracy as a factor in the existence of modern democracies

Abstract: The relationship of culture and democracy covered in this article. Reveals the essence and features categories «democratic culture» and «culture of democracy».

Keywords: democracy, culture, politics, democratic culture, culture of democracy.

Study of the formation and functioning of modern democratic political regimes is carried out within the study of their constituent institutes, characteristics, and factors that determine the level of democracy in each country.

Today there are a variety of concepts and typologies of democracy, but, despite this, they share a number of universal features or principles that all models remain unchanged. These principles include constitutionalism, political and legal equality of all citizens, providing most of the benefits and respect for the rights of minorities, systematic election authorities, the idea of representation, political and ideological pluralism, federalism, independence of the judiciary, the role of the media and the citizens' right to information.

Link between these important elements of functioning states in the framework of democracy advocates culture, reflecting the specific mechanisms of interaction between state authorities and society in the field of politics in general and democracy as it is a separate vector.

Culture in the political world, seems to the author, allows you to change the political reality and its adaptation to the most simple and yet profound. The perception of political relations, phenomena and processes through the prism of culture is the

interaction and mutual influence of two distinct, yet mutually dependent elements of social life. Their combination determines the basic mechanisms of the exercise of power in the state, reveals the degree of acceptance of this power the population that, as a result, leads to a strengthening of the important pillars of the system of government that is an inherent part of democracy.

It is through culture that takes place throughout the assessment and perception of integrity of the political system, as well as its individual areas and structural elements, she «animates» the whole complex of domestic relations, which allows us to talk about the close relationship with the world of political culture.

Politics does not exist without a certain system of communication, perception, communication mechanisms, which serve a sort of link between all elements of a single political complex. The political reality is constantly moving and changing, it is characterized by dynamics, aided by the normal functioning and interaction with each other all of its component parts. Culture allows you to make this interaction more effective. Thanks to her going assessment and perception of the entire system, resulting in the formation prevailing in the society norms and rules.

Culture helps to understand the realities of the democratic system, taking into account communication, means and mechanisms of political communication, ideology and philosophy and other social phenomena that on the basis of which is determined by the entire political system in general, and the willingness of its subjects to live in accordance with certain laws and political standards elaborated in the state. In other words, the consideration of democratic vector of political processes and events through the prism of culture makes it possible to see internal ethical peculiarities of state power that allow a person to subjugate the political reality.

For a long existence of a democratic regime in people formed a certain perception of its basic principles, and all that is connected with them. In any society, in the presence of the public administration system and its legal framework to ensure its effective implementation, there is a specificity of their execution, acceptance and application. That is, for society at this stage of development is characterized by its legal and political culture that create conditions for the formation of the state and contribute to the effective implementation of such.

Combining these constituent elements characterizes the level of development of a democratic state, and distinguishes democratic form of government by undemocratic. Political culture is a set of stereotypes of political consciousness and behavior inherent as individuals and society as a whole. This is a relatively stable political views, beliefs and orientations, as well as due to their patterns and norms of behavior, manifested in the actions of the subjects of political relations, and certain components of the framework in which the members of a society accept the legitimacy of the existing form of government, defines and prescribes the rules of political behavior. In other words, it reveals certain patterns of functioning of various political institutions and systems formed by them within certain limits designated by the laws of the state, the activity of which actually contributes to the further designation of democratic development of society.

Legal culture, in turn, reflects the relationship of subjects with the right political and other legal phenomena, such as law. This relationship occurs as a result of human activity manifests itself in their

way of thinking, norms and standards of behavior. In other words, the legal culture is related to the education of man, its adaptability to the order, discipline, organization and respect for the laws of the state, which is constructed on the basis of the entire democratic system.

Combining them into a single framework is fundamental in any democratic state, as it provides support for the entire democratic system. In particular, G. Almond suggested that establishing democracy in the country, do not need to focus on the establishment of a set of formal democratic institutions of government and the writing of the Constitution. "... The development of a stable and effective democratic government ... depends ... political culture. If she is not able to support a democratic system, the chances of success are slim last" [1, 594].

Thus, it can be argued that the legal and political culture and the degree of their development in society are key indicators of democracy. The more people understand and adopt the laws, rules and regulations, the more often involved in their implementation than they clearly reflect the needs and interests of all citizens, the higher the level of political and legal culture of the whole society. This, in turn, contributes to the further strengthening of the democratic regime in the country.

Total mutual culture, politics and law can be seen in modern models of democracy, which can be divided depending on the degree of consolidation in the country's political and legal culture. Higher level observed in the participative, pluralist, consociational (or *soobschestvennoy*) models, polyarchy, television and informational democracy. These models require the active involvement of citizens in political life (in process control), general representation of (group representation on the basis of competition, including for religious, ideological, linguistic grounds), free interaction with the media, and more, allowing you to talk about the development of a high enough in their political and legal cultures.

A lower degree of development of the culture of the world's political and legal observed egalitarian model of elitism, plebiscitary model (as its variant), legal and delegative democracy. They can be traced to certain restrictions. In particular, the provision of opportunities for political participation only "ruling

minority” (and not the entire population), the depreciation of the concept of national sovereignty and the general will of the people, providing too much power law (above the state and the will of the majority to be able to restrict the activities of various groups of representation), underdevelopment political institutions in general (their place is taken by corruption) and so on.

For the successful functioning of any democratic state is necessary that all the principles proclaimed and adopted the whole of society, successfully implemented in practice is a «living» values, not just documents were secured. By the extent of his political practice matches what prescribe democratic principles, we can judge the degree of development of democratic culture and the culture of democracy in a given society, as well as their close cooperation.

Distinction between «democratic culture» and «culture of democracy» is not accidental. We are talking about different vectors reflection of democratic governance. Democratic culture shows everything that the citizens of our democracy (freedom, opportunities, legislation and so on.). In turn, the culture of democracy — is the level of public perception of the principles of democracy, legitimacy and effectiveness of their implementation.

In other words, these categories are distinguished by the party serving the leading party in the functioning of a democratic regime. In the first case, the main advocates of a democratic political system of governance and what it offers, in the other — the citizens of the state and their perception of these proposals.

In our opinion, in modern democratic political process is the second component, that is, the culture of democracy, is decisive, because it is from the citizens will depend on the legitimacy of the existing

state power and how it «fits» into the political reality of the country. Culture of democracy advocates an indicator determining the state policy. That allows it to maintain a balance between political power and society and to prevent the unlimited domination of the state over the people and vice versa.

One can agree with the statement V. S. Rachmaninoff, who notes that “the ontology of a culture of democracy is the variety of different cultures in society and their ability to interact. Is such a variety of cultures and enriching communication democracy is not formed and there is no...” [2, 261]. Just by how high the degree of assimilation of all democratic principles in each country can be judged on the level of fixing it the culture of democracy and the development of society as a whole.

To date, the processes of globalization require more in-depth development of the fundamental principles governing the nature and direction of development of the democratic system as a whole. For any society are the main values of rule of law, democracy, the rule of law, freedom, separation and balance of powers, social harmony, equality, justice, pluralism, etc. All they determine the present and future of human society.

Held in the modern world require strengthening democratic transformation of the cultural factor in society. This factor plays a crucial role in restoring order in all existing countries, as it helps increase awareness and responsibility of every citizen, approval of ideas of law and discipline, overcoming legal and political nihilism.

That culture is an integral part of the culture of all the political and democratic reforms, hence the great importance which acquire legal and political education of the citizens of the state, as they help the assimilation of democratic principles.

References:

1. Almond G. Civic Culture. Political attitudes and democracy five nations.//The Anthology of world political thought: In 5 t. – T. 2. Foreign political thought. XX century. – M., 1997
2. Rahmanin V.S. Dialogue of cultures as political democratic process.//Logos. – 2005. – № 4.

Section 7. Criminal law and criminology

*Petrova Irina Aleksandrovna,
Candidate of law, head of the chair of criminal law,
North-Western Institute (branch) of Moscow State
University of Law named after O. E. Kutafin
E-mail: Petrova_vologda@mail.ru*

This is to concern the issue of particularly qualifying features of abusing of office

Abstract: The article views the problems connected with the difficulties occurring in science and law enforcement practice while rating abusing of office perpetrated in the presence of qualifying features set by p. 3, 4 art. 285 of Criminal code of the Russian Federation. First of all these difficulties are caused by interpretation of the content of those features. Using the real criminal cases considered in the Vologda region courts by art. 285 of Criminal code of the Russian Federation the author tried to summarize the materials of judicial practice in order to work out a uniform method of defining particularly qualifying features of abusing of office.

Keywords: crime, criminal liability, abuse of office, qualifying features.

*Петрова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии Северо-Западного института
(филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Petrova_vologda@mail.ru*

К вопросу об особо квалифицирующих признаках превышения должностных полномочий

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с трудностями, которые возникают в науке и правоприменительной практике при оценке злоупотреблений должностных полномочий, совершенных при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 3, 4 ст. 285 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ). В первую очередь, эти трудности связаны с толкованием содержания таких признаков. На основе конкретных уголовных дел, рассмотренных судами Вологодской области по ст. 285 УК РФ, автором предпринята попытка обобщения материалов судебной практики с целью выработки единообразного подхода к определению особо квалифицирующих признаков злоупотребления должными полномочиями.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, злоупотребление должностных полномочий, должностное лицо, квалифицирующие признаки.

Превышение должностных полномочий относится к наиболее опасным преступлениям, совершаемым путем использования должностными

лицами своего положения. Опасность совершения должностных преступлений возрастает в разы, если данное деяние сопряжено с насилием

или угрозой его применения, применением оружия или специальных средств является грубым посягательством против охраняемых законом прав граждан, интересов общества или государства и рассматривается как существенное их нарушение независимо от наступления каких-либо иных вредных последствий [9, 49].

Статистический анализ материалов уголовных дел о превышении должностных полномочий за период с 01 января 2011 года показал, что в 27 % случаев имелись квалифицированные составы, относящиеся к категории тяжких преступлений. По данным Вологодского городского суда, за указанный период времени, судьями городского суда по ч. 1, ст. 286 УК РФ в первой инстанции рассматривалось восемь уголовных дел, из которых было вынесено шесть обвинительных приговоров [11].

Как указано выше, к особо квалифицирующему признаку, закрепленному в п. «а» ч. 3, ст. 286 УК РФ относится превышение должностных полномочий с применением насилия или угроза его применения. При этом под применением насилия следует понимать как причинение гражданину физического вреда, выраженного в ограничении свободы, побоях, истязаниях, причинении легкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести, тяжкого вреда здоровью, так и психическое воздействие на гражданина, которое может выражаться в угрозах физической расправы потерпевшего.

Так, *«Ерохов Н.А. с целью получения информации о номерах телефонов посетителей кафе, которые подозревались в совершении грабежей на территории г. Вологды, нанёс сидевшей на диване в указанном фойе работнице кафе М., не совершавшей каких-либо противоправных действий, а также не оказывающей неповиновение сотрудникам органов внутренних дел, не менее трех ударов по голове рукой с зажатым в ней предметом, похожим на пистолет, отчего последняя испытала физическую боль, при этом угрожал применить оружие, то есть совершить её убийство в случае несообщения ему вышеуказанной информации. Угрозы убийством в сложившейся обстановке М. воспринимала реально и опасалась их осуществления»* [5].

По нашему мнению, а также на основании рассмотренных нами материалов уголовных дел,

следует отметить, что для состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ характерен особый субъект, которым может быть только представитель власти. Повышенная общественная опасность этого преступления связана с тем, что представитель власти совершает противоправные действия в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, но над которыми наделен властными полномочиями.

Следует согласиться со Смеловой С.В., которая предлагает разделить п. «а», ч. 3, ст. 286 УК РФ на два самостоятельных состава преступления:

– применение насилия не опасного для жизни или здоровья или угроза применения такого насилия, под которым понимаются побои или иные насильственные действия, связанные с ограничением свободы потерпевшего (связывание рук, применение наручников и др.), причинением ему любой физической боли, либо угроза применения данных действий;

– применение насилия опасного для жизни или здоровья или угроза применения такого насилия, к которому относится насилие, повлекшее причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности. Также автор справедливо предлагает закрепить признак «с применением насилия не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия» в ч. 2, ст. 286 УК РФ, а «с применением насилия опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой такого насилия» — в ч. 3, ст. 286 УК РФ [8, 131].

Так, *«по заключению судебно-медицинского эксперта К. в результате совместных преступных действий В. и М. были причинены две гематомы (кровоподтеки) на левом плече, гематома (кровоподтек) на спине, две гематомы (кровоподтеки) в области правого плечевого сустава, которые не влекут за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью»* [7], в связи с чем для квалификации деяния, совершенного В. и М. мог бы использоваться признак «с применением насилия не опасного для жизни или

здоровья, либо с угрозой такого применения», что оставило бы деяние тяжким, но максимальный размер наказания был бы ниже, по сравнению с ч. 3, ст. 286 УК РФ.

Применение оружия или угрозы его применения при превышении должностных полномочий также относится особо квалифицирующим признакам. Субъектом данного состава преступления, по нашему мнению, может также являться лишь представитель власти, то есть лицо, которое в предусмотренных законом случаях вправе и обязано применить оружие или специальные средства, но без достаточных для того оснований, выходя за пределы своих полномочий, совершает действия в нарушение условий и пределов применения оружия или специальных средств, установленных федеральными законами [5].

Согласно Федеральному закону РФ «Об оружии» под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов [4]. К специальным средствам относятся резиновые палки, наручники, слезоточивый газ, водометы, бронемшины, средства разрушения преград, служебные собаки и другие средства, состоящие на вооружении органов внутренних дел, внутренних войск, федеральных органов государственной охраны, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы [3].

При квалификации действий лица по п. «б», ч. 3, ст. 286 УК РФ судам под применением оружия или специальных средств надлежит понимать умышленные действия, связанные с использованием лицом поражающих свойств указанных предметов, или использование их по назначению. Так, Вологодский городской суд квалифицировал действия Ерохова Н. А. лишь по п. «а», ч. 3, ст. 286 УК РФ, когда он «нанёс сидевшей на диване в указанном фойе работнице кафе М., не совершавшей каких-либо противоправных действий, а также не оказывающей неповиновение сотрудникам органов внутренних дел, не менее трех ударов по голове рукой с зажатым в ней предметом, похожим на пистолет, отчего последняя испытала физическую боль, при этом угрожал применить оружие, то есть совершить

её убийство в случае несообщения ему вышеуказанной информации. Угрозы убийством в сложившейся обстановке М. воспринимала реально и опасалась их осуществления» [6].

Следует отметить тот факт, что в рассматриваемом примере боевые свойства оружия не использовались, следовательно, демонстрация оружия представляет собой действия, направленные на устрашение потерпевшего, но не связана с использованием оружия по прямому назначению, и рассматривается как угроза применения насилия.

Третьим особо квалифицирующим признаком превышения должностных полномочий является причинение тяжких последствий. «Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным п. «в», ч. 3, ст. 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего» [5]. Исходя из данного разъяснения, представляется, что субъектом данного состава преступления может быть любое должностное лицо.

В науке уголовного права длительное время велись споры о форме вины причинения тяжких последствий [1, 112; 10, 595], но учитывая приведенное выше разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, следует констатировать, что правоприменитель допускает как умышленную, так и неосторожную форму вины по отношению к тяжким последствиям. Так, например, в случае причинения потерпевшему смерти по неосторожности, деяние следует квалифицировать по п. «в», ч. 3, ст. 286 УК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что квалификацией по ч. 3, ст. 286 УК РФ охватываются причинение потерпевшему любого вреда здоровью, кроме случаев причинения тяжкого вреда здоровью, предусмотренных ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, а также убийства. Полагаем правильным в указанных случаях действия виновного квалифицировать по совокупности преступлений,

предусмотренных ч. 3, ст. 286 УК РФ и ч. 3, ч. 4, ст. 111 или ст. 105 УК РФ [2, 747].

Также хотелось бы отметить, что за период с 2011 по настоящее время в Вологодском городском суде рассматривалось 13 уголовных дел по ст. 286 УК РФ, из которых в четырех данное преступление совершалось совместно двумя должностными лицами [11]. В связи с этим считаем вполне целесообразным, предусмотреть в ч. 3, ст. 286 УК РФ признак «группой лиц по предварительному сговору», значительно повышающий степень общественной опасности превышения должностных полномочий.

Таким образом, считаем, вполне обоснованным изложение диспозиции ст. 286 УК РФ в иной редакции, а именно:

«Статья 286. Превышение должностных полномочий.

1. Совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав

и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества;

2. То же деяние, совершенное:

а) лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой местного самоуправления;

б) с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия;

в) с применением оружия или специальных средств;

г) с причинением тяжких последствий».

Список литературы:

1. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М., 1975. – 168 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации./Отв.ред. В. М. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – 747 с.
3. О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон РФ от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 22.12.2014).//СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269; О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 12.02.2015)//СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
4. Об оружии: Федеральный закон РФ от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 31.12.2014).//СЗ РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.
5. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 № 19//Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.
6. Приговор Вологодского городского суда от 28.09.2011. Дело № 1–383/2011.
7. По материалам архива Следственного управления Следственного комитета РФ по Вологодской области.
8. Смелова С. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Вологда, 2009. – 234 с.
9. Халиков А. Н. Насилие при превышении должностных полномочий и принуждении к даче показаний.//Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 49.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учеб./М. П. Журавлев, А. В. Наумов и др., – 2004. – 728 с.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologodskygor.vld.sudrf.ru/> (дата обращения 31.02.2015).

*Semenova Diana Michailovna,
Samara State University, graduate,
the Department of Criminal Law and Criminology
E-mail: 5500diana@mail.ru*

Topical problems of recidivism

Abstract: The article deals with the tendencies of the criminal policy against repeated crime. The author analyzes the reform of criminal law and concludes its effectiveness to counter the multiple crimes.

Keywords: the Criminal law, criminal policy, judicial practice, multiple offences.

*Семенова Диана Михайловна,
Самарский государственный университет,
аспирант, кафедра Уголовного права и криминологии
E-mail: 5500diana@mail.ru*

Актуальные проблемы рецидивной преступности

Аннотация: Рассматриваются тенденции уголовной политики в отношении повторной преступности. Автор проводит анализ реформы уголовного законодательства и делает вывод о ее эффективности для противодействия множественности преступлений.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, уголовная политика, судебная практика, множественность преступлений.

Проблема множественности преступлений — одна из острейших не только в правоприменительной практике, но и в теории уголовного права. Вокруг вопросов о понятиях, видах, признаках института множественности преступлений, также квалификации преступлений в условиях их множественности или конкуренции норм всегда велась и ведется бурная полемика, которая, в конечном счете, затрагивает принципиальные проблемы реализации принципов права и гарантирования прав человека.

В последние годы, в связи с существенными изменениями уголовного законодательства, особое значение приобретают вопросы противодействия рецидивной преступности.

Рецидивная преступность — это социальное явление, проявляющееся в множественности преступлений, одновременно совершенных одним лицом. Рецидивная преступность выступает предметом изучения криминологии. Соответственно, являясь более широким понятием, чем рецидив преступлений, может выражаться в множественности тождественных, однородных, разнородных преступлений, лицо может признаваться судимым

по состоянию на время совершения нового преступления или не иметь судимости [1, 166].

Современная рецидивная преступность существенно отличается от «традиционного» криминального рецидива прошлых лет, вследствие либерализации уголовного законодательства и правоприменительной практики в отношении повторной преступности.

Официальная статистика ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о неблагоприятных тенденциях рецидивной преступности как в целом по России, так и в Приволжском федеральном округе и Самарской области. Так, в 2013 г. в России осуждено 739 278 человек, на 5,5 % меньше, чем в 2011 г. В 2014 г. процент осужденных снизился на 0,5 % что составило 735 605 человек. В Самарском регионе в 2013 г. было осуждено 17 642 человек, из которых 7 711 (43,7 %) имели непогашенные судимости, в 2014 г. из 16 989 осужденных — 42,9 % ранее судимы [2]. В сравнении с другими регионами Приволжского федерального округа Самарская область занимает промежуточное положение по

общему числу осужденных) и доминирующее (!) по числу рецидивистов.

Анализ статистических данных свидетельствует о росте числа преступлений, совершаемых рецидивистами наряду с уменьшением общего числа осужденных. Такое соотношение первичной и рецидивной преступности свидетельствует о повышении удельного веса многократного, пенитенциарного, постпенитенциарного, опасного и особо опасного рецидива. При этом следует учитывать неизбежное несоответствие криминологических показателей реальной преступности, ввиду латентности, которая повышается с ростом профессионализма преступников.

В такой ситуации ужесточение уголовной политики кажется естественной реакцией на рост преступности. Однако, как показывает опыт ряда европейских стран, преобладающей тенденцией в период «криминального взрыва» является не ужесточение, а смягчение уголовной политики. Не случайно высокие показатели рецидивной преступности большинством специалистов признаются одним из показателей неэффективности уголовной политики.

Рост рецидивной преступности по большинству наиболее общественно опасных составов (убийство, терроризм, захват заложников, разбой, грабеж), и общее ухудшение структуры усиливают организованность, профессионализм, растет число коррупционных преступлений. В таких условиях максимально актуализируются вопросы противодействия данным негативным явлениям как путем борьбы, так и с помощью расширения комплекса предупредительных мер. Важными детерминантами рецидивной преступности выступают: неразвитость постпенитенциарного индивидуально-профилактического воздействия — в форме социального контроля, административного надзора, недостатки в профилактической деятельности органов следствия и суда в части реагирования, на первое из совершенных рецидивистом преступлений; недостатки в воспитательной и профилактической деятельности, неэффективность функционирования уголовно-исполнительной системы. Практика указывает на противостояние снижающегося профессионализма сотрудников правоохранительных органов

и растущего профессионализма рецидивистов. На характеристике современной рецидивной преступности отражаются, и личностные особенности, преступников, ранее совершавших преступления: стойкость их антиобщественной установки; продолжаемая, несмотря на принимаемые государством меры, преступная деятельность и профессионализм; вредное влияние, оказываемое на неустойчивых лиц, сохранение антиобщественных обычаев, традиций и распространение криминальной субкультуры. Безусловно, важными являются криминологические факторы противодействия рецидивной преступности, связанные с принятием мер по совершенствованию работы уголовно — исполнительной системы.

Однако, рецидивная преступность является социальным явлением, получающим уголовно-правовую оценку, она выражается в действиях, которые оцениваются уголовным законом как преступления. Не умаляя значимость криминологических факторов, представляется, что первичную роль в противодействии рецидивной преступности играет уголовное законодательство.

Важнейшей проблемой противодействия рецидивной преступности выступает кризис уголовного наказания как основного способа борьбы с рецидивной преступностью, свидетельствующий о явно недостаточной эффективности специальной превенции [3, 318].

Так, Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ было принято спорное в свете криминологических реалий решение о том, условно — досрочное освобождение осужденным за особо тяжкие преступления может быть применено по отбытии не менее двух третей срока наказания (а не трех четвертей срока наказания, как это раньше предусматривала ст. 79 УК РФ). Как показывает практика, такое решение не детерминировано криминологическими реалиями. Лица, совершающие особо тяжкие преступления, особенно насильственные преступления против личности, характеризуются повышенной общественной опасностью и высокой вероятностью рецидива с их стороны [4, 102–109].

Небесспорной с точки зрения криминологической обоснованности представляется проведенная Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г.

реконструкция нормы о рецидиве преступлений (ст. 18 УК РФ) путем введенных ограничений при признании рецидива опасным и особо опасным. Так, в официальных отчетах правоохранительных органов [5] в 2004–2005 г. декларировалось о сокращении рецидивной преступности, однако не указывалось, что понижение процента опасного и особо опасного рецидива связано не с сокращением лиц, повторно совершающих преступления, а с искусственным сужением объема рецидива, что не может свидетельствовать о сокращении рецидивной преступности.

Смягчение уголовной ответственности за криминальный профессионализм выразилось и в легализации недифференцированного порядка назначения наказания по видам рецидива (ч. 3, ст. 68 УК РФ). Более того, усиление наказания невозможно, если судом будут установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 61 УК РФ, или исключительные, предусмотренные ст. 64 УК [6].

Гуманизация уголовной политики, противоречащая количественным и качественным показателям преступности, способствует тому, что значительное число лиц, совершивших преступления, освобождаются от уголовной ответственности, а наказание в виде лишения свободы становится все более исключительной мерой, применяемой к злостным преступникам, совершившим тяжкие преступления. В результате этого резко ухудшился состав осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, в которых часто происходит «рецидивизация» лиц, впервые осужденных.

Прав М. М. Бабаев, что «уголовная политика России во многом вытеснила из сферы своих практических забот и интересов жертву преступления, сконцентрировав все усилия и устремления на правонарушителя» [7, 125].

Многие ученые [8, 103] выход из сложившегося «кризиса уголовной политики» видят в принятии на федеральном уровне «основополагающего» документа, единой стратегии борьбы с преступностью, призванной обеспечить эффективное противодействие преступности и проведение на ее основе реформу уголовного законодательства.

Следует сказать, что разработанная Концепция уголовно — правовой политики в 2012 г.

предусматривает ультра либеральный подход к институту множественности преступлений. Согласно п. 20 Проекта Концепции «Современная уголовно — правовая политика требует модернизации предписаний уголовного законодательства о преступлении, чтобы ... уточнить основания и пределы уголовной ответственности за множественность преступлений, с тем чтобы устранить в качестве общего правила наказуемость приготовления к преступлению, исключить рецидив из числа форм множественности преступлений ...».

Видимо, разработчики хотели одновременно решить проблему преступности, ведь, если не будет «рецидива», не будет и «рецидивной преступности».

Важное значение для противодействия рецидивной преступности имеет разработка региональных программ борьбы с преступностью. Так, постановлением Правительства Самарской области от 29 ноября 2013 г. N 711 утвержден программа «Обеспечение правопорядка в Самарской области на 2014–2016 годы». Однако, несмотря на актуальность и важность, Программа приоритетного значения противодействию рецидивной преступности не придает и рассматривает её в контексте общей преступности. В других регионах противодействию рецидивной преступности придается особое значение.

Следует отметить, что для эффективности мер предупреждения рецидивной преступности среди освобожденных из мест лишения свободы как пенитенциарного (в исправительных учреждениях), так и постпенитенциарного характера (контроль, социальная помощь) необходимо опираться и на прочную научную основу, неотъемлемой частью которой являются объективные криминологические данные как об особенностях рецидива преступлений, так и о самой рецидивной преступности в целом.

Рецидивная преступность в последнее время, на фоне падения профилактического потенциала уголовного закона и недостатков в организации криминологической профилактики, обнаруживает негативные тенденции в своей криминологической и социальной характеристике, связанные с возрастанием абсолютных показателей регистрации рецидивных преступлений, во многом

искусственным — (посредством законодательных решений 2003 года) сокращении ее объема, маргинализацией рецидивистов, увеличением масштабов социальных последствий.

В условиях непрекращающегося «перекраивания» УК РФ, законодатель должен определить какую же цель преследует современная уголовная политика — исполнение политических «заказов» по искусственному снижению показателей преступности и сокращению численности «тюремного населения», либо эффективное противодействие случаям совершения одним лицом множества преступных деяний?

«Суетливость» законодателя по внесению изменений в УК РФ, противоречивый характер правоприменительной практики, к сожалению, позволяют сказать, что для законодателя приоритетной является борьба за показатели, а не эффективное предупреждение преступлений.

Так, проведенный специалистами Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции опрос 53 д. ю.н, профессоров, ученых в области уголовного права в целях выявления оценки качества УК РФ показал, что 71,7% (38 экспертов) считают, что уровень

динамизма уголовного закона неоправданно высок. Большинство ученых солидарны в низкой оценке качества современного состояния УК РФ в сравнении с его первоначальной редакцией 52,8% (28 экспертов). Примечательно, что ни один эксперт не признал ныне действующую редакцию УК РФ по своему качественному состоянию лучше той, которая имела место на момент его принятия [9].

Представляется, что низкая эффективном норм УК о множественности преступлений во многом детерминирована неадекватностью проводимой уголовной политики состоянию криминальной ситуации, в которой оказалось российское общество, вследствие радикально-либерального подхода в проведении реформ уголовного законодательства [10, 54].

Неутешительным видится и будущее уголовного законодательства. Реформирование УК РФ в соответствии с положениями, разработанными в Концепции уголовно-правовой политики 2012 г., содержащей ультра-либеральный подход к регламентации института множественности преступлений, априори, на мой взгляд, не направлено на эффективную борьбу со случаями совершения лицом множества преступлений.

References:

1. Кленова Т. В. Множественность преступлений. // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. / Под. ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. – М.: Инфра, 2013.
2. Статистические сведения по показателю «Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу» за 2014 год. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2356>
3. Гишинский Я. И. Криминология. Курс лекций. – СПб, 2002.
4. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики. // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. – Саратов, 2004. – С. 102–109.
5. Состояние преступности в РФ январь–декабрь 2004 г.; Состояние преступности в РФ январь–декабрь 2005 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/12/>
6. Кленова Т. В. Роль Федерального закона от 21 ноября 2003 г. в противодействии множественности преступлений. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova\(8-02-05\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/klenova(8-02-05).htm)
7. Права человека и криминологическая безопасность. Учебное пособие. / Бабаев М. М., Рахманова Е. Н. – М.: Логос, 2003.
8. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики. Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние. Сборник научных трудов. – Саратов, 2004.

9. Результаты опроса проведенного специалистами Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sportscrime.ru/news/view/?id=247>
10. Кленова Т. В. Квалификация преступлений в условиях изменения УК РФ Федеральным законом от 21 ноября 2003 г. // Юридический аналитический журнал. – 2004. – № 1 (9).

*Chernova Darya Aleksandrovna,
Elabuga institute of Kazan (Volga) Federal University,
Student, the faculty of history and law
E-mail: daryynova@mail.ru*

To the question of criminological characteristic of crimes of an extremist orientation in Russia

Abstract: The criminological aspects of extremist crimes in Russia are examined in the article. The reasons and circumstances of the crimes of this kind are analyzed.

Keywords: Extremism, combating extremist activity, Russia, causes of extremist crime, nationalism, terrorism, nazism.

*Чернова Дарья Александровна,
Студентка, Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: daryynova@mail.ru*

К вопросу о криминологической характеристике преступлений экстремистской направленности в России

Аннотация: В статье анализируется криминологический аспект преступлений экстремистской направленности в России. Исследуются причины и условия совершения преступлений данного вида.

Ключевые слова: Экстремизм, противодействие экстремистской деятельности, Россия, причины экстремистской преступности, национализм, терроризм, нацизм.

Вопрос криминологической характеристики преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации (далее — РФ, Россия) является достаточно обсуждаемым и дискуссионным в юридической литературе. Вместе с тем вопрос причин и условий преступлений экстремистской направленности изучен не в полной мере.

В науке криминологии изучение преступности, выявление причин и условий преступности — это первоначальные этапы криминологического исследования для последующего анализа личности преступника и организации борьбы с преступностью [1, 834], что относится ко всем видам преступлений.

Происшедшие в России с 90-х годов XX столетия реформы в политической и социально-экономических сферах привели к развитию новых рыночных отношений и установлению различных форм собственности, свободу предпринимательства и иной экономической деятельности. При этом данный процесс оказался не только сложным и экономически нестабильным, повлекшим негативные последствия в социально-экономическом плане [2, 664], но и значительный рост общеуголовной корыстной и насильственной, организованной и иной преступности, в том числе преступлений экстремистской направленности.

При этом среди всех видов правонарушений и преступлений, влияющих на криминогенную ситуацию в России, и в тоже время востребованных в правоприменительной практике [3, 387] являются преступления экстремистской направленности.

На сегодняшний день существуют три главных группы факторов, вызывающих заметный рост преступлений данной направленности. Во-первых, экономический, к нему относят: кризисы в экономике, что в свою очередь сопровождается безработицей, снижением доходов основной части населения, что провоцирует в некоторой области криминогенную обстановку в обществе. Во-вторых, социально-политический, который подразумевает ослабление государственной власти, сопровождающиеся высокой коррумпированностью чиновников, бездействие силовых структур, а также содействие экстремистам со стороны представителей зарубежных общественных организаций, в части финансирования их деятельности. В-третьих, идеологический фактор, заключающий в себе отсутствие общепринятой идеологической концепции в государстве, признаваемой большинством населения [4, 32].

По мнению известного российского политолога Э.А. Паина, экстремизм и терроризм это внутренние проблемы человечества, которые складываются в связи с неравномерным развитием различных сфер общества: политической, культурной, социальной [5, 8]. Такие проблемы он связывает с государствами, где ярко выражено деление общества на бедных и богатых, говоря о том, что низкий уровень социально-экономического статуса провоцирует агрессию и создает поле деятельности для экстремизма, подтверждая тот факт, что участниками экстремистских сообществ выступают маргинальные группы населения.

В научной среде существуют и иные точки зрения на причины экстремизма в обществе. Так, Р.А. Адельханян полагает, что одной из причин имеет место быть тесная связь какой-либо национальной или религиозной группы со своим языком, культурой, духовностью [6, 33]. В связи с этим на государство возложена задача по контролю и не допуску религиозной деятельности, которая бы разнилась с конституционными

основами РФ. Те, чьи идейные течения противоречат общепризнанным постулатам, будут признаны антигосударственными.

В пользу этого факта свидетельствует список экстремистских материалов, который официально закреплен на сайте Министерства юстиции РФ (далее — Минюст России). Данный орган публикует в сети Интернет федеральный список запрещенных материалов на основании копий решений судов о признании таких материалов экстремистскими (согласно ст. 13 ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Минюст России, утвержденного Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1313) [7].

Законодательством РФ установлена ответственность за распространение, производство либо хранение продукции определенной данным перечнем, в частности за: брошюру «Язычество как волшебство» А.А. Добровольского, «Книгу единобожия» Мухаммада ибн Сулейман ат-Тамими, книгу «Сквозь призму ислама» Абд-аль Хади ибн Али, газету «Я русский. Нижнее Поволжье» № 1 и № 2, брошюру «Это должен знать Русский» Вострягова В.А., журнал «Аль-Ваъй» № 215, книгу «Установление законов Аллаха», брошюру «Разъяснение основ веры: заметки об истинном вероучении» и др.

По мнению В.В. Бирюкова причина экстремизма кроется в отсутствие у определенных категорий общества гуманных, человеческих жизненных ценностей, общественно значимых идеалов, толерантности по отношению к представителям других национальностей и религий. В своей работе, он говорит так же о том, что у современного поколения искажилось значение понятия «патриотизм», о присутствии нацистских идеи и ценностей [8, 27].

Данные официальной статистики МВД России за последние годы по преступлениям экстремистской направленности свидетельствуют о широком вовлечении молодежи в экстремистские движения. За период с 2010 года по 2014 год совокупность зарегистрированных преступлений экстремистской направленности по РФ увеличилась на 64 % (в 2010 году — выявлено 656 преступлений, в 2011 году наметилась

тенденция к спаду — 622 преступления, но по окончании 2012 года — рост до 696 преступлений, 2013 год — это 896 преступлений, и к 2014 году — это уже 1024 преступления подобного характера) [9].

Объясняется это не только неудовлетворенностью в материальном плане, но и низким духовными качествами подрастающего поколения, отсутствием идеологического элемента в воспитательном процессе, утратой нравственных ориентиров. Распространение наркомании, пьянства, деморализация общества все эти условия ведут к устойчивому росту криминальных молодежных сообществ, объединенных какими либо ксенофобскими настроениями. Высокий уровень молодежи в экстремистских группировках объясняется также тем, что их взгляды и ценности на современные реалии жизни еще не прочно закрепились и возможна некая переоценка ценностей, которая найдет свое подтверждение в экстремистской идеологии. Отсутствие четко поставленных целей в жизни, неопределенность также может способствовать вхождению в запрещенное сообщество.

На наш взгляд, существует и другие факторы, которые могут служить причиной экстремистских проявлений, в том числе социальное неравенство, подталкивающие агрессивную настроенную молодежь на совершение антиобщественных действий сопряженное с упадком авторитета правоохранительных органов. Нужно признать, что определенная вседозволенность, безнаказанность витает в умах молодого поколения.

Социальный психолог Д. В. Ольшанский считает, что результатом всего этого может явиться не только вандализм, но и немотивированное насилие, в том числе не исключает акты терроризма. Обществу необходимо публично обсуждать такие явления, давать оценку действиям, требующим немедленного пресечения [10, 83].

Получившие широкое распространение идеи национализма, нацизма и расового превосходства через Интернет и СМИ можно назвать как одной из причин, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности [11, 5]. В качестве другой причины можно выделить отсутствие единого механизма построения работы правоохранительных органов по пресечению деятельности незарегистрированных объединений экстремистской направленности. К сожалению, во многих случаях вне поля зрения оперативных служб остается проблема устранения, прежде всего, источника общественной опасности.

Таким образом, вопрос о причинах и условиях преступлений экстремистской направленности остается одним из дискуссионных на сегодняшний день. Также мы можем выделить три основных фактора влияющих на положение дел по вопросу экстремизма в стране и в мире: это экономический, социально-политический и идеологический. Нужно признать, что все эти факторы взаимосвязаны.

Правоохранительным органам, занимающимся указанной проблемой, следует обратить особое внимание на причины и условия преступлений экстремистской направленности. Тем самым они смогут повлиять на снижение роста показателей этого негативного явления. Ведь вред, наносимый экстремистской преступностью, в большей своей мере не восполним, так как затрагивает многие стороны жизни общества: начиная психологическим здоровьем граждан вплоть до смертей ни в чем неповинных людей. Для достижения этой цели необходима последовательная и результативная деятельность всех социальных институтов общества и правоохранительных органов, которая в свою очередь требует также качественного совершенствования [12, 294].

References:

1. Жадан В. Н. Некоторые подходы к анализу причин и условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 834–838.
2. Zhadan V. N. On the Criminogenic Situation in Russia and Its Significance to the Security of Citizens. // World Applied Sciences Journal. – 2013. – 25 (4). – P. 664–668.
3. Жадан В. Н. Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений. // Молодой ученый. – 2013. – № 4. – С. 387–393.

4. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореферат диссертации. – М.: Москва, 2011. – 26 с.
5. Паин Э. А. Толерантность против ксенофобий. Зарубежный и российский опыт: монография. – М.: Academia, 2012. – 188 с.
6. Адельханян Р. А. Современный терроризм. // Законность. – М., 2009. – № 11. – С. 33–38.
7. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).
8. Бирюков В. В. В отношении изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности». // Военно-юридический журнал. – 2007. – № 12. – С. 25–29.
9. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 20.04.2015).
10. Аминов И. И. Юридическая психология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: Юнити–Дана, 2012. – 415 с.
11. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: пособие / П. В. Агапов и др.; под ред. В. В. Меркурьева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – 248 с.
12. Жадан В. Н. О современной криминогенной обстановке в России и деятельности правоохранительных органов. // Молодой ученый. – 2013. – № 8. – С. 290–294.

Section 8. Political regionalism. Ethnic policies

Davletov Sanjarbek Rajapovich,

Urgench State University

Senior researcher, Department of History

E-mail: sanjar-22@mail.ru

Egamberganova Matluba Jobborganovna,

Urgench State University,

Bachelor student, Department of history

E-mail: shoira_69@mail.ru

Food security issues in Uzbekistan

Abstract: In this article the problem of food store safety in the Republic of Uzbekistan is examined. It's mentioned that the government by the way of further deepening of economical reforms in agriculture, raising the level of using land-water resources, stimulation of widening application of the resource-saving technologies to production provides not only food store but also the social-economical defence of the population of Uzbekistan.

Keywords: food security, developing countries, economic reforms, production of resource-efficient technologies.

Давлетов Санжарбек Раджапович,

Старший преподаватель, Ургенчский

Государственный Университет, Узбекистан

E-mail: sanjar-22@mail.ru

Егамбергимова Матлуба Жобборгановна,

Студентка, Ургенчский Государственный Университет

E-mail: shoira_69@mail.ru

Вопросы продовольственной безопасности в Республике Узбекистан

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема продовольственной безопасности в Республике Узбекистан. Отмечается, что государство путем дальнейшего углубления экономических реформ в сельском хозяйстве, повышения уровня использования земельно-водных ресурсов, стимулирования расширения внедрения в производство ресурсосберегающих технологий обеспечивает не только продовольственную, но и социально-экономическую защищенность населения Узбекистана.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, развивающаяся страна, экономические реформы, производство ресурсосберегающих технологий.

История развития человеческого общества
в определенном смысле являет собой картину

его изменяющегося взаимодействия с природой.
Следует отметить, что зависимость человека от

природы, от естественной среды обитания, существовала на всех этапах человеческой истории. Экология планеты и производство продуктов питания связаны самым тесным образом. С древнейших времён и до наших дней рост населения и потребностей людей требовали увеличения производства продуктов питания. Обеспечение растущего народонаселения продовольствием стало одной из важнейших проблем человечества.

Недаром в своем выступлении на международном конференции «О важнейших резервах реализации продовольственной программы в Узбекистане», Президент Республики Узбекистан И. Каримов отметил, что «... проводимые международные экспертные исследования и оценки по обеспечению продовольственной безопасности указывают на серьезную обеспокоенность и тревогу в связи со складывающейся по этой проблеме ситуацией в мире и отдельных его регионах. Эту проблему сегодня относят к числу наиболее актуальных и важнейших вызовов для мирового сообщества» [2].

Проблема продовольственной безопасности в центре внимания мировой политики и экономики с начала 70-х годов XX века. В 1974 году на Всемирном Саммите по вопросам продовольствия продовольственную безопасность определили как: «наличие в любое время достаточных мировых запасов основных продуктов питания для поддержания устойчивого роста потребления продуктов и компенсации колебаний производства и цен». Понятие получило дальнейшее развитие в публикации ФАО — Положение с продовольственной нестабильностью: «продовольственная безопасность существует, когда все люди в любое время имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточному количеству безопасных и питательных продуктов, соответствующих пищевым потребностям и индивидуальным предпочтениям, и обеспечивающим активную и здоровую жизнь» [5, 49].

Продовольственная безопасность страны — концепция, связанная с множеством факторов, однако напрямую связанная с правильным использованием и управлением природным капиталом, причем как на местном уровне, так и на региональном и глобальном уровнях.

Согласно экспертам ФАО состояние продовольственной безопасности определяется следующими показателями — продовольственной обеспеченностью, доступом к продовольствию, стабильностью доступа и потреблением [6, 50].

Как наглядно продемонстрировали недавние кризисы производства зерновых в мире, продовольственная безопасность является одним из важнейших компонентов экономической безопасности. Вопросы продовольственной безопасности занимают важное место в концепциях национальной безопасности большинства передовых стран, где уже давно приняты соответствующие законы, государственные стратегии и программы.

По оценочным данным, суточное потребление на одного человека в Африке составляет в среднем 2300 ккал, в США и ЕС калорийность питания составляет 3500–3600 ккал. По международной классификации ФАО, питание на уровне 2150 калорий характеризует условия постоянного недоедания. Нормальным уровнем для человека является 2600 калорий. Эксперты считают, что уже при жизни нынешнего поколения продовольственная проблема может перерасти в глубокий международный кризис. Сегодня 17% населения Земли испытывает голод, и в ближайшее десятилетие это число может увеличиться в 1,5 раза [8, 67].

В 1992 году 1600 мировых ученых, в том числе 102 лауреата Нобелевской премии, издали меморандум, озаглавленный «Ученые предупреждают человечество». В нем прямо говорится, что безответственное отношение к природным ресурсам способно настолько изменить планету, что она не сможет сохранить жизнь людей на достигнутом уровне. Этому призыву вняли почти все государства.

Узбекистан с первых лет независимости выбрал собственный путь развития и комплексного, масштабного реформирования во всех сферах, направленного на строительство демократического правового государства с социально ориентированной рыночной экономикой. При этом одним из главных направлений социально-экономического развития страны стало решение вопросов продовольственного обеспечения, доступности продовольствия в соответствии с рациональными нормами здорового питания, а также достижение

высокого качества и безопасности потребляемых населением пищевых продуктов.

Человек, хорошо изучивший и знающий Конституцию Республики Узбекистан, ещё раз убедится в том, что политика республики направлена на обеспечение человеку свободного развития и достойной жизни. Из этого вытекает, что продовольственная безопасность занимает основное место в обеспечении жизнедеятельности человека. Она, в первую очередь, отражает социальную политику, направленную на обеспечение основных прав человека.

Известно, что сейчас в Узбекистане существуют важные особенности реформирования современного сельского хозяйства. Имея их в виду, глава государства отметил, что «... сегодня мы глубоко осознаем, что эффективность обновления нашего общества, уровень развития демократических процессов в стране, успехи, с которыми проходит реформирование сельского хозяйства, зависят от глубины проникновения этих процессов во все сферы жизни села» [3].

С первых лет независимости в стране были приняты меры по ускорению экономических реформ в сельском хозяйстве на основе приоритетного развития фермерских хозяйств, совершенствованию производственных отношений на селе. Основой развития фермерского движения в Узбекистане стал Указ главы государства «О дальнейшем укреплении дехканских (фермерских) хозяйств и государственной поддержке предпринимательской деятельности в республике» от 29 ноября 1991 года.

Принятые Земельный кодекс, законы «О фермерском хозяйстве», «О дехканском хозяйстве» и «О гарантиях свободы предпринимательской деятельности» сформировали прочную правовую базу и систему гарантий для развития фермерства, экономической и финансовой самостоятельности фермерских хозяйств.

За короткий период нашего независимого развития в Узбекистане осуществлены кардинальные реформы, которые позволили практически полностью диверсифицировать сельское хозяйство и обеспечить наше население основными продовольственными культурами, наладить в больших объемах их экспорт. Это особенно важно, если

учесть, что еще на пороге 90-х годов прошлого века, когда Узбекистан входил в состав бывшего Советского Союза, сельское хозяйство нашей страны было полностью направлено на возделывание только одной культуры — производство хлопка-волокна, которым республика практически обеспечивала весь социалистический лагерь.

Нужно отметить, что превращение республики в сырьевую базу бывшего Союза отвечало интересам тоталитарного режима. Экономика страны состояла всего из одной отрасли-хлопководства, и отношение к другим отраслям осуществлялось с этой точки зрения. То, что всего 8–10 процентов посевных площадей было засеяно пшеницей, тоже было результатом господства хлопковой политики. Поэтому большая часть самой необходимой для жизни страны продукции — зерно, мясо, молоко, картошка- завозилась извне. По состоянию на 1 января 1989 года 95 % общих посевных площадей приходилось на долю колхозов и совхозов, или, иначе говоря, было в распоряжении государства.

Хлопковая монополия продолжалась вплоть до 23 июня 1989 года, до смены руководства государства. Впервые И. Каримов открыто заговорил о тяжелых проблемах, накопившихся в течение многих лет и поставивших страну в положение социального взрыва. Он твёрдо поставил на повестку дня вопрос о необходимости их решения. Хорошо понимающий проблемы села, почувствовавший их сердцем, глава государства И. Каримов, издал 17 августа 1989 года специальное постановление «О дальнейшем развитии индивидуально-жилищного строительства и личных хозяйств граждан, работников совхозов и колхозников». В результате в 1989–1990 годах более полутора миллионам семьям были выделены дополнительные земельные участки. Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что, благодаря разумному решению этих проблем, тысячи людей в республике имеют дома, работу, увеличился объём товаров на рынках, снизились цены и, самое главное, удалось добиться предотвращения социального взрыва.

Кроме этого, сотни тысяч гектаров поливных земель были выведены из оборота технических посевов, план выращивания хлопка снизился на 700 тысяч тонн. Это был первый, но крайне

важный шаг в ликвидации монополии хлопчатника. Для решения этой проблемы наряду с другими мерами, в те годы 2,5 миллионам семей было выделено дополнительно 700 тысяч гектаров поливных наделов. Несомненно, будет правдой сказать, что это было большим историческим шагом в решении социальных проблем наших кишлаков, в сохранении мира и стабильности.

В результате проведения кардинальных реформ в сельском хозяйстве за годы независимого развития, то есть за истекшие 23 года, производство зерновых увеличилось с 1 миллиона тонн до 8 миллиона тонн, превратив страну в экспортера пшеницы. За годы независимости объем производства сельскохозяйственной продукции возрос в целом более чем в 2 раза, что позволило, несмотря на прирост населения страны почти на 10 миллионов человек, или свыше 30 процентов, увеличить в расчете на душу населения потребление мяса в 1,3 раза, молока и молочных продуктов — в 1,6 раза, картофеля — в 1,7 раза, овощей — более чем в 2 раза, фруктов — почти в 4 раза.

В настоящее время на селе сформирована и совершенствуется современная производственная и рыночная инфраструктура, предоставляющая фермерским хозяйствам весь спектр необходимых услуг.

Логическим продолжением реформирования сельскохозяйственного сектора страны стал Указ Президента Ислама Каримова «О мерах по дальнейшему совершенствованию организации деятельности и развитию фермерства в Узбекистане» от 22 октября 2012 года, направленный на повышение эффективности фермерских хозяйств, расширение их прав и полномочий, усиление их роли в рациональном использовании земельно-водных ресурсов и создании производственного потенциала, динамичном развитии и благоустройстве села, обеспечении занятости и рост благосостояния населения.

Новый этап развития технологической составляющей аграрного комплекса Узбекистана открыло постановление Президента Ислама Каримова «О мерах по дальнейшему совершенствованию управления и финансовому оздоровлению предприятий сельскохозяйственного машиностроения» от 15 мая 2014 года. В целях

внедрения современных агротехнологий и оснащения высокопроизводительной сельскохозяйственной техникой, в стране была реорганизована вся система сельскохозяйственного машиностроения, образована холдинговая компания «Узагропромашхолдинг», осуществлена оптимизация и специализация предприятий отрасли на выпуске конкретных видов востребованной сельскохозяйственной техники и средств механизации.

Основой укрепления деятельности предприятий пищевой промышленности на ближайшую перспективу служат Программа мер по расширению и развитию пищевой промышленности на 2012–2015 годы, а также Программа дополнительных мер по углублению переработки сельскохозяйственного сырья, увеличению объемов производства и расширению ассортимента продовольственных товаров на 2012–2015 годы.

Президент страны И. Каримов в своем докладе на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2014 году и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2015 год, отметил, что в системе мер по реформированию сельского хозяйства особое внимание уделяется кардинальному улучшению мелиоративного состояния поливных земель. Эта задача была и остается на перспективу одним из важнейших приоритетов, так как от состояния плодородия земель, бесценного богатства страны, постоянного их улучшения всецело зависят продуктивность всего сельскохозяйственного производства, экономическая и продовольственная безопасность страны, материальное благополучие не только сельских тружеников, но и всего населения Узбекистана [4].

В результате принятых мер обеспечено улучшение мелиоративного состояния 1,7 миллиона гектаров орошаемых земель. Площади земель с критическим уровнем залегающих грунтовых вод (до 2 метров) сократились почти на 500 тысяч гектаров, или более чем на треть, а сильно и среднезасоленных земель — на 100 тысяч гектаров, или на 12 процентов. На площадях, где были проведены мелиоративные мероприятия, урожайность хлопчатника повысилась в среднем на 2–3 центнера с гектара, зерновых колосовых культур — на 3–4 центнера.

В стране за счет оптимизации посевов под хлопчатник и увеличения площадей под зерновые колосовые культуры, овощеводство, садоводство и виноградарство, за период 2012–2014 годы производство овощей возросло на 16,3 процента, бахчевых культур — на 16,6, плодов — почти на 21 процент. За 2010–2014 годы осуществлена посадка новых садов на площади почти 50 тысяч гектаров, в том числе более 14 тысяч гектаров садов интенсивного типа, а также виноградников — на площади 23 тысячи гектаров. Для создания интенсивных садов завезено более 6 миллионов саженцев из Польши, Сербии и других стран.

Сегодня, когда на мировом рынке растут цены на продовольствие, а в ближайшие годы, в прогнозе ожидается повышение цен на 40–50 %, когда наводнения, засухи, глобальные климатические бедствия приводят к тому, что во многих государствах страдает в первую очередь сельское хозяйство, проблема продовольственной безопасности встает особенно остро. К сведению, на сегодняшний день 86 государств мира не могут обеспечить своё население продовольственной продукцией.

Международная конференция «О важнейших резервах реализации продовольственной программы в Узбекистане», которая проходила в июне 2014 года в Ташкенте, ярко продемонстрировала, что в Узбекистане принимаются все необходимые меры по наращиванию производства продовольственной продукции, привлечению иностранных инвестиций в сферу, внедрению высокотехнологичного оборудования, увеличению экспортного потенциала.

Участники конференции поддержали реализуемую в Узбекистане адресную программу действий, направленную на интенсификацию передовых исследований и разработок, максимальное использование имеющегося в республике научного потенциала, а также широкую адаптацию и внедрение передового международного опыта в сфере сельскохозяйственного производства.

В целом предпринимаемые комплексные мероприятия обеспечивающие продовольственную безопасность в Узбекистане, направлены на стабильное поддержание внутренних запасов продовольствия и сырья. В соответствии с государственными прогнозами социально-экономического развития страны эти мероприятия устанавливают основные параметры производства важнейших видов продовольственных товаров, посевные площади и прогнозируемые объемы производства мясомолочной и плодоовощной продукции, а также расширение производств по переработке продукции сельского хозяйства.

Государство путем дальнейшего углубления экономических реформ в сельском хозяйстве, упрочнения экономических позиций класса собственников на селе, повышения уровня использования земельно-водных ресурсов, стимулирования расширения внедрения в производство ресурсосберегающих технологий, повышения уровня плодородия орошаемых земель и производства экологически безопасных продуктов питания, обеспечивает не только продовольственную, но и социально-экономическую защищенность населения Узбекистана.

Список литературы:

1. Каримов И. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент: Узбекистан, 2012.
2. Выступление Президента Ислама Каримова на открытии международной конференции «О важнейших резервах реализации продовольственной программы в Узбекистане».[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uza.uz/ru/politics/28911/>
3. Каримов И. А. Развитие сельского хозяйства-источник благосостояния народа.[Веб-сайт пресс-службы Президента Республики Узбекистан].[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.press-service.uz>
4. Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2014 году и важнейшим приоритетным направлениям экономической программы на 2015 год.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.press-service.uz>
5. FAO. The State of Food Insecurity in the World 2001. – Rome, 2001.

6. Schmidnuber J., Tubiello F. N. Global food security under climate change. – PNAS, 2007. – Vol. 104. – No. 50.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pnas.org>.
7. United Nations. Report of the World Food Conference, Rome 5–16 November, 1974. – New York, 1975.
8. Материалы семинара-тренинга «Ответственность руководителей в принятии экологически обоснованных и сбалансированных решений». – Хива: Хорезмская Академия Маъмуна, 2014.

Contents

Section 1. Deplomacy	3
<i>Nurboja Reshat</i>	
State of Kosovo: a matter of war or a matter of negotiations.	3
Section 2. Administrative law	9
<i>Zheleznyakova Evgeniya Alexandrovna</i>	
Problems of social and legal protection of civil servants	9
Section 3. Civil procedure	13
<i>Izarova Iryna Aleksandrivna</i>	
The European regional rules of civil procedure and deepening economic relations between Ukraine and the European Union	13
Section 4. European law	17
<i>Mykhalko Mariia Mykolaivna</i>	
Phenomenon of the European Union citizenship	17
Section 5. Theory and history of state and law	20
<i>Petrov Dmitrii Evgenievich</i>	
Interrelation of differentiation and integration in the system of law.....	20
Section 6. Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science	23
<i>Dyachenko Yuliya Vladimirovna</i>	
Culture of democracy as a factor in the existence of modern democracies	23
Section 7. Criminal law and criminology	26
<i>Petrova Irina Aleksandrovna</i>	
This is to concern the issue of particularly qualifying features of abusing of office.....	26
<i>Semenova Diana Michailovna</i>	
Topical problems of recidivism.....	30
<i>Chernova Darya Aleksandrovna</i>	
To the question of criminological characteristic of crimes of an extremist orientation in Russia.....	34
Section 8. Political regionalism. Ethnic policies	38
<i>Davletov Sanjarbek Rajapovich, Egamberganova Matluba Jobborganovna</i>	
Food security issues in Uzbekistan.....	38